

КАКОЕ ВЛІЯНІЕ  
ИМѢЛА ПРИРОДА РУССКОЙ ЗЕМЛИ НА  
ИСТОРИЮ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА  
И БЫТЬ ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ?

РАЗСУЖДЕНІЕ

**В. М. МАНУИЛА,**

Старшаго учителя Русскаго языка при Эстляндскомъ  
Дворянскомъ Училищѣ.

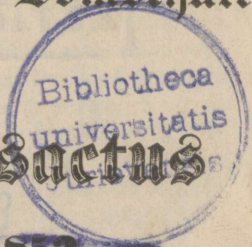
Einladungsschrift

5A  
der  
207.

Ehstl. Ritter- und Domschule

zu dem

Entlassungssactus



am 21. Juni 1852

um 9 Uhr Morgens.

Reval,  
gedruckt bei Lindfors Erben.

ESTICA

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,  
съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный  
Комитетъ узаконенное число Экземпляровъ.

Рига, 12-го Мая 1852.

Ценсоръ К. Александровъ.

ESTICA

A 1905

Est. A

Yak Mikko Ulkoof  
Raam 8758

ЭКЗАМЕНЪ ЧИТ. — АКТЪ.

„Извините“, сказалъ живописецъ, „если краски мои блѣдны: въ нашемъ городѣ нельзя достать лучшихъ.“

(Соч. Кн. Одоевскаго, ч. II. стр. 287.)

**Е**сли я посвящаю слѣдующія страницы разсмотрѣнiю вопроса столь многосложнаго и вообще такъ мало еще обработаннаго, какъ вопросъ о влiянiи территорiи на Исторiю Россiи и жизнь ея обитателей, то дѣлаю это не съ тою цѣлю, чтобы высказать здѣсь о немъ какiя-нибудь совершенно новыя мысли: это требовало бы средствъ и источниковъ, какими я не могъ располагать. Цѣль этого скромнаго труда состоитъ единственно въ томъ, чтобы указать на тѣсную связь между Исторiею и Физическою Географiею Русскаго государства и представить, вкратцѣ, нѣкоторые важнѣйшіе результаты ученыхъ изслѣдованiй, сдѣланныхъ по этому предмету въ новѣйшее время. Знаю, что представляю въ этомъ очеркѣ далеко не все выводы, уже полученные учеными, занимавшимися сравненiемъ хода Русской Исторiи съ природою Русской земли: недавность времени, съ котораго я началъ изучать подлежащій предметъ съ этой точки зрѣнiя и ограниченность ученыхъ пособiй, которыми я могъ пользоваться, да служатъ мнѣ извиненiемъ за неполноту и недостатки; поступаю въ этомъ случаѣ по русской пословицѣ: „чѣмъ богать, тѣмъ и радъ“. Сверхъ того самая обширность задачи и тѣсные предѣлы, предписанные для пригласительныхъ на публичный экзаменъ разсужденiй, налагаютъ на меня обязанность ограничиться одними главнѣйшими фактами. — Наконецъ, для предупрежденiя всякихъ недоразумѣнiй, позволяю себѣ сдѣлать здѣсь еще двѣ оговорки: 1) Если я приписываю Русской государственной области высокое значенiе въ процессѣ развитiя Русской государственной жизни,

то я этимъ нисколько не думаю отрицать другихъ, напр., политическихъ условій, содѣйствовавшихъ къ образованію и окрѣпленію Русской державы; напротивъ, я вполне ихъ признаю, но желаю въ настоящемъ случаѣ указать только на природныя условія, игравшія въ развитіи Русскаго государства не менѣе важную роль, но доселѣ еще не довольно уваженныя при изученіи Исторіи Русской. По этому-то касаюсь всѣхъ иныхъ условій только слегка и то лишь тамъ, гдѣ безъ того могла бы произойти какая-нибудь сбивчивость въ выводахъ; во всѣхъ прочихъ случаяхъ предполагаю ихъ извѣстными читателю, знакомому съ Исторіею нашего отечества.

2) Я касаюсь не всѣхъ событій Исторіи, но, разумѣется, только тѣхъ, которыя по своему существу могутъ состоять въ связи съ природою страны и на которыя, по моему мнѣнію, страна имѣла рѣшительное вліяніе. Такое ограниченіе имѣетъ впрочемъ еще и другую причину: чѣмъ болѣе развивается и проникается просвѣщеніемъ государственная жизнь какого-либо народа; чѣмъ болѣе государство начинаетъ принимать участія въ судьбахъ другихъ государствъ: тѣмъ менѣе ходъ его исторіи опредѣляется природою его территоріи, тѣмъ болѣе подчиняется онъ политическимъ видамъ и расчетамъ, отношеніямъ къ сосѣдямъ и пр. и пр. — Вотъ что я почелъ нужнымъ сказать предварительно о предлагаемомъ здѣсь разсужденіи.

---

Было время, когда смотрѣли на Географію, какъ на науку едва ли не лишнюю или по крайней мѣрѣ второстепенную, лишь вспомогательную, какъ на предметъ, разъ включенный въ число школьныхъ наукъ, о которомъ по сему каждый порядочный человѣкъ, имѣющій притязаніе на образованіе, долженъ имѣть хоть поверхностное понятіе. Довольствовались въ то время знаніемъ однихъ отдѣльныхъ фактовъ, жалуясь притомъ безпрестанно на ихъ сухость и бесплодность, нисколько не подозревая, какая тѣсная связь существуетъ между всеми этими отдѣльными явленіями, основанными на законахъ непреложныхъ, хотя намъ доселѣ только отчасти извѣстныхъ, и какое глубокое значеніе имѣли они и еще имѣютъ въ процессъ развитія рода человеческого какъ въ отношеніи физическомъ, такъ и умственномъ, нравственномъ и политическомъ. Но эта эпоха младенчества Географіи, какъ науки, миновалась, и миновалась

навсегда и невозвратно. Въ наше время Географія признана наукою не только самостоятельную, но одною изъ самыхъ важныхъ и плодотворныхъ въ сферѣ человѣческаго знанія. Эпоха возрожденія въ отношеніи къ изученію естественныхъ наукъ вообще, въ началѣ второй половины осемнадцатаю столѣтія, (Линней и Бюффонъ родились въ 1707 году), была тоже исходною точкою для наукообразнаго изученія поверхности земнаго шара (Географіи), изученія, основаннаго на изслѣдованіи составныхъ частей поверхности материка и законовъ постепеннаго образованія земнаго шара (Геогнозіи и Геологіи). Нельзя не упомянуть о первыхъ дѣлателяхъ на этомъ новомъ поприщѣ: Вернеръ изучалъ Рудныя горы, Соссюръ (H. de Saussure) Альпы, а Л. фонъ Бухъ былъ въ числѣ первыхъ ученыхъ, которые стали примѣнять, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, найденные Вернеромъ и Соссюромъ законы къ объясненію образованія земной поверхности и разныхъ на ней явленій. Но особенно два гениальные мужа, Александръ фонъ Гумбольдтъ и Карлъ Риттеръ, какъ истинные творцы новаго воззрѣнія на поверхность земнаго шара и ея вліянія на явленія и произведенія природы и судьбы рода человѣческаго, съ неимовѣрнымъ успѣхомъ трудились въ пользу этой новой науки, и ихъ наблюдательному и проницательному уму и огромнымъ трудамъ обязаны мы тѣмъ, что нынѣ, при всемъ безконечномъ разнообразіи явленій, видимъ или по крайней мѣрѣ предполагаемъ съ твердымъ убѣжденіемъ одно стройное цѣлое тамъ, гдѣ прежде привыкли видѣть только случайности и хаосъ; какъ будто бы та же Творческая Сила, премудрости которой мы съ равнымъ благоговѣніемъ удивляемся въ мірозданіи въ огромныхъ его размѣрахъ и въ сотвореніи самой невзрачной букашки и былинки, въ исторіи всего рода человѣческаго и въ судьбахъ отдѣльныхъ людей, безъ цѣли и безъ плана взгромодила здѣсь поднимающіяся къ небесамъ горы, а тамъ разостлала необозримыя степи, — здѣсь собрала воды въ необъятный океанъ, а тамъ, въ царствѣ сыпучихъ песковъ, не провела ни малѣйшаго ручейка, у котораго изнеможенный странникъ могъ бы утолить томящую его жажду. Хотя далеко еще не для всѣхъ явленій природы открыты точные, положительные законы, но сдѣлано уже чрезвычайно много, а главное, указанъ путь, по которому

должны идти новые испытатели, чувствующие въ себѣ призваніе къ изслѣдованію таинственныхъ, но тѣмъ не менѣе непреложныхъ законовъ природы.

При нынѣшнемъ состояніи науки землеописательной не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что между Исторіею какого-либо народа и положеніемъ и природою страны, имъ обитаемой, существуетъ самая тѣсная связь, такъ точно какъ существуетъ она между Физическою Географіею, Геогнозіею и Геологіею: *не изучивъ природы страны, мы не въ состояніи понять развитія жизни и Исторіи народа.*

Народы, призванные дѣйствовать на поприщѣ развитія общечеловѣческаго, образуютъ государства. Но государство есть произведеніе, по преимуществу, двухъ факторовъ — страны и народа, обитающаю въ этой странѣ. Страна имѣетъ рѣшительное вліяніе на физическое, умственное, нравственное и политическое развитіе и образъ жизни ея обитателей, въ чемъ мы лучше всего можемъ убѣдиться, разсматривая не столько отдѣльныя лица, сколько цѣлые народы, потому что дѣйствіе замѣтнѣе, когда дѣйствуютъ массы на массы, т. е. совокупность всѣхъ физическихъ условій страны на все ея народонаселеніе; Исторія и Этнографія представляютъ намъ тому множество доказательствъ. Древніе Греки, напр., обязаны своимъ высокимъ значеніемъ въ Исторіи просвѣщенія человѣчества не только своимъ отличнымъ способностямъ, но также выгодному приморскому положенію Греціи между Азіею, колыбелью перваго человѣческаго знанія, и материкомъ Европы, и не менѣе того очаровательной природѣ и благоуханному климату самой страны; — народамъ средней Азіи, сей безпредѣльной стени, сама природа указала на жизнь кочевую, которую они вели издревле и ведутъ еще донынѣ. Такъ какъ климатъ вполнѣ зависитъ отъ положенія и природы страны, то страна и въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ на обитателей. Народы, живущіе въ холодномъ поясъ, вообще меньше ростомъ и щедушнѣе народовъ, живущихъ въ климатѣ умѣренномъ. У народовъ южной Европы, окруженныхъ вѣчно прекрасною природою, особенно развито воображеніе и чувство изящнаго; у живущихъ въ средней Европѣ преобладаетъ умъ надъ воображеніемъ и чувствомъ изящнаго, между тѣмъ какъ у обитателей самага отдаленнаго сѣвера въ маленькомъ щедушномъ тѣлѣ и спо-

способности умственные какъ бы сжались и съежились отъ дѣйствія слишкомъ суровой природы. И въ Новомъ Свѣтѣ, именно въ Мексикѣ и Перу, какъ странахъ, благословенныхъ природою, гдѣ климатъ жаркаго пояса умѣряется Андами, нашли при открытіи ихъ народы, достигшіе извѣстной степени образованности, тогда какъ у живущихъ на самомъ сѣверѣ и югѣ ничего подобнаго не найдено. Но къ чему распространяться о предметахъ столь извѣстныхъ; ограничимся замѣчаніемъ, что только народы умѣренныхъ климатовъ играли и играютъ роль въ дѣлѣ просвѣщенія рода человеческого и образовали государства не эфемерныя, но долговѣчныя, созданныя на твердомъ основаніи.

Однако, на оборотъ, и народъ въ свою очередь дѣятельностью своею имѣетъ также болѣе или менѣе вліянія на природу страны. Такъ напр. во многихъ мѣстахъ сѣверной Россіи, гдѣ въ прежнія времена были одни непроходимые лѣса и топкія болота, тамъ нынѣ стараніемъ человѣка исчезли они, и мѣсто ихъ заступили плодородныя поля. Довольно примѣровъ благотворнаго превращенія бесплодныхъ, пустынныхъ мѣстъ въ цвѣтушія представляетъ намъ и южная, степная Россія. — Но вліяніе человѣка на природу страны можетъ быть и вредное. Если онъ напр. неумѣстнымъ и неумѣреннымъ истребленіемъ лѣсовъ лишитъ страну необходимой влажности, поддерживаемой лѣсами, то превратитъ ее въ степь, на которой послѣ того почти уже невозможно возрастить лѣса. Такъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степей южной Россіи, въ землѣ, остатки лѣсовъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ они уже не растутъ: они истреблены, вѣроятно, народами, кочевавшими тамъ съ своими стадами или срублены и выжжены беспечными позднѣйшими обитателями; сверхъ того Геродотъ намъ прямо говоритъ о лѣсахъ въ Скиѣи, на востокъ отъ нижняго теченія Борисоена (Днѣпра), \*) въ сосѣдствѣ которыхъ жили Скиѣи-земледѣльцы. Вотъ еще въ высшей степени замѣчательный примѣръ въ томъ же родѣ: въ слѣдствіе изысканій Гумбольдта и Ханькова \*\*) не подлежитъ ни ма-

\*) Ист. Геродота, кн. IV. §§ 9- 18. 54 55. 76.

\*\*) Geologie d. europ. Russl. u d. Urals, von Murchison, Verneuil und Keyserling, übers. von Leonhard, Stuttgart 1848, p. 371.

лѣйшему сомнѣнію, что рѣка Аму - Дерья (Oxus) въ древности дѣйствительно изливалась въ Каспійское море, и что жители дали ея теченію новое направленіе къ Аральскому озеру и тѣмъ превратили страну, чрезъ которую она прежде протекала, въ пустыню. Не видно ли даже изъ этихъ немногихъ примѣровъ, что человѣкъ можетъ имѣть, въ извѣстной степени, самое рѣшительное вліяніе на природу страны, имъ обитаемой? — И такъ между страной и ея народонаселеніемъ мы находимъ непрерывное взаимное дѣйствіе другъ на друга; подъ этимъ вліяніемъ страны на народъ и народа на страну образуются и развиваются государства, — подъ нимъ образовалась и развивалась также Россія.

Чтобы возможно было судить объ этомъ вліяніи, необходимо, хоть въ общихъ, крупныхъ чертахъ, изобразить поверхность Россіи въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніи. Мы будемъ здѣсь говорить преимущественно только о Европейской Россіи, какъ ядрѣ государства, центрѣ и источникѣ его могущества; о прочихъ его частяхъ скажемъ нѣсколько словъ, при случаѣ, сколько именно нужно будетъ для нашей цѣли. Изобразивъ вкратцѣ главныя свойства Русской государственной области, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ея вліянія на историческій ходъ событій въ ней, какъ къ главному предмету нашихъ изысканій; а что касается до ея вліянія на образъ жизни, дѣятельность, характеръ, нравы и обычаи, народную поэзію обитателей и пр., то мы на счетъ этого ограничимся одними легкими намеками на самыя рѣзкія его черты; болѣе подробное развитіе этого интереснаго предмета завлекло бы насъ далѣе, нежели позволено намъ идти въ настоящемъ случаѣ.

## II.

Съ перваго взгляда на карту Европейской Россіи видно, что она представляетъ огромную равнину, границы которой начертаны самою природою посредствомъ морей и горъ: Сѣвернаго океана, Уральскаго хребта и его отрога, Общаго Сырта, Каспійскаго моря, Кавказскихъ горъ, Чернаго моря; — одна западная граница не высказывается столь рѣзкими чертами, какъ прочія, потому что обозначенъ естественными предѣлами только сѣверозападъ (Балтійскимъ моремъ) и нѣ-

которымъ образомъ тоже югозападъ (предгоріями Карпатскими). Примыкая такимъ образомъ посредствомъ двухъ равнинъ, изъ которыхъ одна заключается между Карпатскими горами и Балтійскимъ моремъ, а другая между ними же и Чернымъ моремъ, къ Западу и сверхъ того еще тѣснѣе соединяясь съ нимъ двумя естественными путями, съ сѣвера моремъ Балтійскимъ, а съ юга Чернымъ, самая область государственная напоминаетъ намъ, что Россія должна была войти въ систему государствъ Европейскихъ и вступить съ ними въ тѣсныя, постоянныя сношенія. Съ другой стороны, на юго-востокѣ равнины, низменность, лежащая между южнымъ склономъ Общаго Сырта и сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря, ископн служившая перепутьемъ кочевымъ пародамъ, въ разныя времена наводнявшимъ южныя страны особенно восточной Европы, соединяетъ Европейскую Россію съ степями средней Азіи и, наравнѣ съ морями Чернымъ и Каспійскимъ, указываетъ ей на ея отношенія къ Востоку. Вся эта огромная равнина, отъ Сѣвернаго океана до Чернаго моря и Кавказа, отъ Балтійскаго моря до Каспійскаго и до Уральскихъ горъ, посредничая между Западомъ и Востокомъ и простирающаяся, круглымъ числомъ, до 100,000 кв. миль, извѣстна у новѣйшихъ географовъ подъ общимъ именемъ *Сарматской равнины*. Во времена доисторическія была она покрыта моремъ, пограничными столнами которому служили горы Уральскія, Кавказскія и Карпатскія, что видно ясно не только изъ природы южныхъ ея частей, прилегающихъ къ морямъ Черному и Каспійскому и покрытыхъ отчасти солончаками\*), и изъ разбросанныхъ въ сѣверозападныхъ странахъ дѣйствіемъ воды обломковъ гранита, покрывающихъ большое пространство, даже вершины Валдайскихъ горъ\*\*), но еще болѣе изъ составныхъ частей самой поверхности Европейской Россіи. Не говоря уже объ остаткахъ морскихъ произведеній въ мѣлу по теченію Дона и Сѣвернаго Донца и въ слояхъ почвы по теченію Оки, мы даже въ известнякѣ Волжской вершины, наибольшаго возвышенія внутренней Россіи, находимъ окаменѣлыя морскія раковины. Уже Паласъ, Гмелинъ,

---

\*) Даже черноземъ южной Россіи, по мнѣнію Мурчисона, произведеніе моря. См. *Geologie des eur. Russl.* стр. 555 и слѣд.

\*\*) Тамъ же. стр. 508 и слѣд., также стр. 525.

Лаксманъ и др. были такого мнѣнія о Россіи, и новѣйшія изслѣдованія Мурчисона и его сотрудниковъ вполне подтверждаютъ его. Воды, судя по теченію главныхъ рѣкъ Сарматской равнины, стекли на сѣверо-западъ (Висла, Нѣманъ, обѣ Двины, Западная и Сѣверная, Печора) и на юговостокъ (Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ, Донъ, Волга). Но это обсохшее дно морское не есть равнина безпрерывная, сплошная; при внимательномъ изслѣдованіи ея мы находимъ въ ней болѣе или менѣе значительныя возвышенія, которыя хотя и нигдѣ не имѣютъ собственно горнаго характера, но, не смотря на то, имѣютъ глубокое значеніе какъ относительно занятій народонаселенія, раздѣляя равнину на извѣстныя полосы, различныя между собою своею природою и производительною силою почвы, такъ и въ отношеніи историческомъ, образуя различныя системы рѣкъ, игравшія весьма замѣчательную роль не только въ древности какъ пути расселенія племенъ по равнинѣ и какъ пути сообщенія сначала между этими племенами, потомъ между разными княжествами, но и нынѣ еще имѣющія высокое значеніе для торговли. Особенную важность имѣютъ эти рѣчныя системы при изученіи постепеннаго развитія Русскаго государства и расширения его границъ до нынѣшняго его объема \*); а какъ это послѣднее обстоятельство прямо относится къ нашей задачѣ, то мы по необходимости должны обратить вниманіе и на помянутыя возвышенности, служащія ключемъ къ разумѣнію рѣчныхъ системъ. Мы будемъ держаться по этому предмету преимущественно изысканій Ф. Г. Миллера \*\*), основанныхъ, въ свою очередь, на трудахъ членовъ С. Петербургской Академіи Наукъ, и изслѣдованій Барона А. Мейендорфа, произведенныхъ имъ, въ 1840 году, по порученію гр. Канкринъ, бывшаго Министра Финансовъ, въ сопровожденіи чиновниковъ Горнаго вѣдомства, Зиновьева и графа Кейзерлинга, и профессора Брауншвейгскаго лицея, Блазіуса \*\*\*).

\*) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева, Москва 1851, глава I.

\*\*) *Der Ugrische Volksstamm*, von F. H. Müller, 1. Abtheil. Berlin 1857, 2. Abtheil. Berlin 1859.

\*\*\*) *Archiv für wissenschaftl. Kunde von Russland*, herausgeg. von A. Erman in Berlin, Bd. I (1841), стр. 380 и слѣд.

Въ сѣверозападной части Европейской Россіи находятся источники главнѣйшихъ ея рѣкъ: Волги, Днѣпра и Западной Двины. Этотъ важнѣйшій водоспускъ нашего отечества, покрытый болшею частію лѣсами и озерами, при всемъ отсутствіи собственно горнаго характера, составляетъ главное возвышеніе огромной равнины и извѣстенъ подъ разными именами: Алаунскихъ горъ, Ал. плоской возвышенности, Волконскаго лѣса, а у новѣйшихъ изслѣдователей подъ именемъ Волжской вершины. Его происхожденіе, какъ уже выше сказано, приписываютъ, по несомнѣннымъ признакамъ, дѣйствию водной стихіи. Эта возвышенность простирается отъ Ильменскаго озера (на С.З.) до Твери (на Ю.В.) и отъ Торопца (на Ю.З.) до Чагодоци (на С.В.), на пятьдесятъ миль въ длину и ширину. Самую значительную высоту этой плоской возвышенности находимъ въ окрестностяхъ Валдая, въ 1085 футовъ надъ уровнемъ Балтійскаго моря (по измѣренію графа Кейзерлинга). Но эта центральная возвышенность простирается, постепенно понижаясь, съ одной стороны мимо Смоленска, гдѣ она имѣетъ уже не болѣе 700 футовъ вышиною, далѣе на югозападъ до Витебска и Минска\*, образуя границу между водами Западной Двины, Нѣмана и Днѣпра, т. е. морей Балтійскаго и Чернаго, а съ другой стороны на сѣверовостокъ до Бѣлаозера, составляя въ то же время водораздѣлъ мѣжду Балтійскимъ и Каспійскимъ моремъ. Къ ней примыкаютъ тоже возвышенности, находящіяся въ Лифляндіи и Курляндіи, поднимающіяся въ первой до значительной высоты (напр. Муннамегги до 997' и Гейзекаль до 968') и простирающіяся далѣе до рѣки Одера. Волжская вершина съ своими продолженіями, доселѣ нами разсмотрѣнными, образуетъ сѣверозападный склонъ Россіи, склонъ къ Балтійскому морю; но она склоняется также къ Сѣверному океану, и вотъ

---

\*) Въ водораздѣлъ близъ Пинска мы напрасно будемъ искать горнаго характера: постепенно понижающіеся холмы переходятъ въ низменность и совершенно теряются въ Припетскихъ болотахъ (см. *Ugr. Volksst. v. Müller*, 1, 325 und *Geol. d. europ. Russl. von Murchison*, стр. 36), которые находятся въ срединѣ между Кенигсбергомъ и Одессою, гдѣ материкъ Европы наиболѣе суживается между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ, и образуютъ во время весенняго полноводія огромное озеро; они были известны уже Геродоту (*Ист. Гер.*, кн. IV. §§ 31, 32 и др.),

какъ происходитъ этотъ сѣверный склонъ. На границѣ сѣверной и средней части Уральскаго хребта, между 61 и 62° с. ш., отдѣляется отъ него отрогъ, или правильнѣе рядъ холмовъ, извѣстный подъ именемъ Уваловъ (такъ называетъ его напр. уже Рычковъ), который скоро раздваивается: одна часть (Тиманскія горы) идетъ къ сѣверозападу и, давъ начало рѣкѣ Мезени, исчезаетъ въ тундрахъ. Другая часть Уваловъ, простираясь въ ширину отъ 20 до 40 верстъ, идетъ къ западу между истоками Печоры и Камы, между Вологдою и Ярославлемъ, огибая такимъ образомъ верховья Юга и Сухоны, и около Грязовца достигаетъ наибольшей своей высоты (770'); потомъ поворачиваетъ она на сѣверозападъ и, отдѣливъ воды Сѣвернаго океана отъ водъ Каспійскаго моря, соединяется, между Бѣлымъ и Опежскимъ озеромъ, съ сѣверовосточнымъ продолженіемъ Волжской вершины. Наконецъ рядъ холмовъ, идущій въ срединѣ между Уральскимъ хребтомъ и Ботническимъ заливомъ, отъ сѣверныхъ береговъ Бѣлаозера по лѣвому берегу рѣки Онеги, отдѣляя воды, текуція въ Бѣлое море, отъ водъ, текущихъ въ Балтійское, образуетъ тоже грань между сѣверозападнымъ и сѣвернымъ склономъ Россіи. Весь этотъ рядъ холмовъ и плоскихъ возвышенностей, простирающійся отъ Уральскихъ горъ до границъ Польши и рѣки Одера, извѣстенъ у новѣйшихъ географовъ подъ именемъ Уралобалтійскаго плоскаго хребта. Часть его, проходящая чрезъ Россію, образуетъ линію, идущую съ югозапада на сѣверовостокъ, приблизительно между 52 и 62° с. ш. и 40 и 75° долготы (см. карту Россіи Сидова). Такимъ образомъ Уралобалтійскій плоскій хребетъ, по своей высотѣ весьма незначительный, дѣлитъ всю Европейскую Россію на двѣ, хотя неравныя между собою части, изъ которыхъ меньшую, на основаніи означенной между ними границы, называютъ *сѣверозападною*, (подразумѣвая подъ этимъ общимъ именемъ сѣверный склонъ и собственно сѣверозападный), или тоже Балтійскою (по важнѣйшему изъ обоихъ морей), а большую *юговосточною*, или Понтійско-Каспійскою. Всѣ главныя рѣки первой изливаются въ Балтійское и Бѣлое море или въ Сѣверный океанъ, а получающія свое начало въ послѣдней, текутъ въ моря Черное, Азовское и Каспійское. Народонаселеніе въ первой, по преимуществу, Финскаго и Латышско-Ли-

товскаго племени, съ большею или меньшею примѣсью раньше или позже переселившихся туда Славянъ ; въ послѣдней преобладаетъ Славянское племя, хотя на востокъ встрѣчаемъ еще и остатки Финскихъ и Татарскихъ народовъ ; послѣдніе живутъ еще въ Крыму, въ Ногайской степи и въ Бессарабіи. Эти двѣ части Сарматской равнины весьма несходны между собою, какъ относительно своихъ физическихъ свойствъ, такъ и той роли, которую онѣ играли въ нашей Исторіи ; укажемъ предварительно только на слѣдующее. Въ Балтійской части климатъ влажный (уссапіф), свойственный западной Европѣ ; положеніемъ, климатомъ и рѣками своими она ясно указываетъ на Западъ ; — въ Понтійско-Каспійской преобладаетъ климатъ сухой, континентальный, принадлежность огромнаго материка Азіи ; какъ климатомъ, такъ и положеніемъ и рѣками своими она сильно тяготѣетъ къ Востоку и составляетъ посредствующій членъ между Европою и Азією. Не отражается ли эта различная природа двухъ частей государства до очевидности и въ Исторіи его ? Центръ государства въ древнюю эпоху былъ въ юговосточной части ; она же представляла тогда и главный театръ его дѣятельности. Не носитъ ли эта эпоха явной печати вліянія Азіятскаго ? И не совпадаетъ ли начало новой эпохи, имѣющей характеръ Европейскій, съ перенесеніемъ этого центра въ сѣверозападную часть ? Но объ этомъ поговоримъ подробнѣе послѣ. — Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вліянія границы, проведенной самою природою между сѣверозападною и юговосточною Россією, на дѣятельность первой части. Какъ мы уже видѣли, то она дѣлится рядомъ холмовъ, простирающихся вдоль лѣваго берега рѣки Онеги, на двѣ половины, на склонъ собственно Балтійскій и склонъ къ Сѣверному океану, или сѣверный. Первый на сѣверѣ возвышеннѣе, чѣмъ на югѣ ; сѣверная часть его большею частію покрыта обломками гранита (особенно въ Финляндіи), лѣсами и безчисленнымъ множествомъ озеръ ; камень для разныхъ построекъ и лѣсъ составляютъ богатство ея жителей, а кораблестроеніе, судоходство и изготовленіе разныхъ лѣсныхъ продуктовъ ихъ занятія ; южная же часть собственно Балтійскаго склона особенно удобна для разведенія пеньки и льна. На этомъ склонѣ процвѣтаетъ заграничная морская торговля, сосредоточиваясь въ С. Пе-

тербургъ и Ригъ. — Другой, собственно сѣверный склонъ, въ южныхъ частяхъ покрытъ дремучими лѣсами, почему и звѣриная ловля въ особенности занимаетъ малочисленное его народонаселеніе\*). Далѣе на сѣверъ начинается область тундръ и вѣчныхъ льдовъ; но и самый отдаленный сѣверъ природа сдѣлала привлекательнымъ для человѣка, населивъ его воды множествомъ рыбъ и огромныхъ морскихъ животныхъ, доставляющихъ ворвань и пр., такъ что преимущественно рыбные промыслы питаютъ жителей этой полосы. Архангельскъ, Устюгъ-Великій, а отчасти и Вологда оживляютъ этотъ край торговою дѣятельностью\*\*).

Перейдемъ теперь къ юговосточному склону Карпатской равнины, который такъ называемымъ Карпатоуральскимъ плоскимъ хребтомъ\*\*\*) дѣлится на двѣ главныя полосы. Если всмотримся внимательнѣе въ карту Е. Россіи, то найдемъ, что подь 50° с. ш. отдѣляются отъ сѣверныхъ Карпатовъ отроги (Авратынскія горы) и направляются мимо Лемберга, постепенно понижаясь, между притоками Припети съ одной стороны и Днѣстромъ и Южнымъ Бугомъ съ другой, къ Кременцу и далѣе на юговостокъ. Но Авратынскія горы только въ южной части Волынской губ. образуютъ сѣверную границу Карпатоуральской плоской возвышенности; эта граница идетъ далѣе на сѣверъ къ Києву, гдѣ пересѣкается Днѣпромъ, а отъ Києва къ Нѣжину и Курску, гдѣ Карпатоуральскій хребетъ соединяется съ другимъ рядомъ холмовъ, идущихъ отъ

---

\*) Растительная сила природы на счетъ лѣсовъ не вдругъ прекращается Увалами; есть лѣса и на южномъ ихъ склонѣ, но здѣсь они уже не преобладаютъ. Скажемъ разъ навсегда: нигдѣ въ природѣ переходы не бывають такъ рѣзки, какъ мы часто, для большей ясности и рельефности, должны ихъ выставлять. — Замѣтимъ кстати, что въ этой полосѣ встрѣчаемъ тоже первые начатки земледѣлія, ограничивающагося впрочемъ разведеніемъ преимущественно только ячменя.

\*\*) Сѣверная Россія, южною границею которой служатъ Увалы, точнѣе, по своей природѣ и своимъ произведеніямъ, подраздѣляется, по мнѣнію бывшаго Министра Финансовъ, графа Канкринна, на четыре полосы, а вся остальная часть государства тоже на четыре (См. Archiv von Ergman, Bd. I, (1841), стр. 702 и слѣд.). Это раздѣленіе Россіи на восемь полосъ принято и Павловскимъ; но наша цѣль не требуетъ такой подробности.

\*\*\*) Мы разумѣемъ здѣсь подь этимъ именемъ собственно только сѣверный край весьма широкой Карпатоуральской плоской возвышенности (Plateau).

Волжской вершины мимо Вязьмы, между Днѣпромъ и Окою, и около Ельни имѣющихъ свой главный узелъ (707'). Поднявшись при соединеніи около Курска съ этими поперечными холмами опять до 826', Карпато-уральскія возвышенности продолжаются мимо Воронежа, Тамбова и Пензы, образуя водораздѣлъ между южными притоками Волги и юговосточными Днѣпра, а равно и притоками Дона, ихъ пробивающаго, къ Самарской лукѣ и, соединившись съ такъ называемыми Волжскими горами, примыкають посредствомъ Общаго Сырта къ Уральскому хребту. Значеніе этихъ Южнорусскихъ Уваловъ заключается въ томъ, что они составляютъ южную границу *средней* Россіи, окаймленной съ сѣвера Уралобалтійскимъ плоскимъ хребтомъ. Главная дѣятельность жителей въ этой *средней* части есть промышленность мануфактурная, фабричная, ремесленная, горнозаводская: на западъ отъ Казани до поперечныхъ холмовъ, идущихъ отъ Волжской вершины къ Курску, мануфактурная, фабричная, процвѣтающая не только въ городахъ, но и въ селахъ и деревняхъ между крестьянами, а на востокъ отъ Казани, до восточнаго склона Уральскихъ горъ, преимущественно горнозаводская. Центръ области мануфактурной въ Москвѣ, а центръ области горнозаводской въ Екатеринбургѣ; между обоими центрами дѣятельности этого края всемірная ярмарка въ Нижнемъ Новгородѣ. Это, какъ видно, область верхней и большей части средней Волги съ ея притоками, изъ коихъ главнѣйшіе Ока и Кама. Торговля и рѣчное судоходство играютъ тутъ не послѣднюю роль. Хлѣбопашество производится (это полоса ржи и льна), но составляетъ болѣе вспомогательное, второстепенное занятіе жителей, потому что плодородность страны вообще только посредственная \*), за исключеніемъ развѣ самыхъ южныхъ частей, по линіи отъ истоковъ Оки къ нижней Камѣ и Уфѣ, оставляя на сѣверѣ Тулу и Рязань; на югъ отъ означенной черты, до южныхъ Уваловъ и Общаго Сырта, появляется плодородная почва, и именно черноземъ, уже въ значительномъ количествѣ.

— Характеръ средней Россіи на западъ отъ поперечныхъ Курско-Вяземскихъ холмовъ менѣе развитъ; это страна, долго находившаяся подъ властью Литвы и

\*) А. Freiherr von Haxthausen, Studien über die innern Zustände u. s. w. Russlands, Hannover 1847, Thl. I. Cap. 7.

Польши и только въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія вновь соединенная съ своею матерью, Россією; дѣятельность земледѣльческая есть впрочемъ главная въ этомъ краю.

Южная Россія, простирающаяся до Чернаго моря, подошвы Кавказскихъ горъ и Каспійскаго моря и отдѣленная отъ средней сѣвернымъ краемъ Карпатоуральскаго плоскаго хребта въ свою очередь дѣлится на два уступа, разграниченные между собою грядою низменныхъ холмовъ, примыкающихъ къ юговосточнымъ отраслямъ Карпатскихъ горъ и тянущихся мимо Екатеринослава къ нагорному берегу Волги (см. карту Россіи Сидова). Сѣверозападный уступъ южной Россіи (собственно Карпатоуральская плоская возвышенность — Plateau) состоитъ изъ чернозему; дѣятельность жителей тутъ чисто земледѣльческая; онъ служитъ житницею не только Россіи, (главное произведеніе его пшеница), но своимъ избыткомъ надѣляетъ между прочимъ особенно южную Европу. Юговосточный уступъ состоитъ изъ разнородныхъ степенъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Характеръ западной ихъ части, Понтійской, (отъ южной Бессарабіи до Дона и Волги на сѣверъ отъ Царицына), состоящей изъ болѣе или менѣе толстаго слоя плодородной черноземной почвы, разстилающейся на новѣйшихъ третичныхъ слояхъ, гранитѣ, мѣлу и каменномъ углѣ (см. геологическую карту Россіи, Мурчисона), заключается въ безлѣсности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ изобиліи въ травѣ; почему она и служитъ огромнымъ пастбищемъ для стада рогатаго скота и овецъ, даже тонкорунныхъ, и для табуновъ лошадей. Скотоводство, по ясному указанію самой природы, издревле было здѣсь главнымъ занятіемъ обитателей. Произведенія какъ черноземной, такъ и пастбищной террасы южной Россіи вывозятся за границу преимущественно изъ Одессы, а сверхъ того еще изъ Таганрога и Бердянска, какъ въ древности вывозились изъ Ольбіи и Пантикапеи. — Степи, простирающіяся на востокъ отъ Дона, между Кубанью, Терекомъ, Каспійскимъ моремъ и Общимъ Сыртомъ, гдѣ онѣ примыкаютъ къ степямъ средней Азіи, несравненно безотраднѣе Понтійскихъ. Лежа гораздо ниже сихъ послѣднихъ, онѣ представляютъ намъ почти на всемъ своемъ пространствѣ лишь солончаки, болота да пески. Растительность тутъ скудная и одни дикіе кочевые народы, довольные немногимъ,

перекочевываютъ въ нихъ съ мѣста на мѣсто. Только берега нижней Волги и нижняго Урала питаютъ другое народонаселеніе иными средствами, а именно рыбными промыслами и торговлею, центромъ которой служитъ Астрахань, между тѣмъ какъ мѣновая торговля съ западною частью средней Азіи сосредоточивается въ Оренбургѣ.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ характеръ поверхности Е. Россіи въ орографическомъ отношеніи и увидѣвъ, какое вліяніе имѣетъ она на дѣятельность народонаселенія, и какъ эта дѣятельность распредѣляется и разграничивается ея плоскими возвышенностями \*), мы еще слегка должны коснуться ея гидрографическихъ отношеній, которыя равнымъ образомъ опредѣляются этими же плоскими хребтами, образующими различныя рѣчныя системы, особенно для насъ важныя. О значеніи морей будетъ рѣчь впереди. — Нѣтъ государства, которое имѣло бы такое множество огромныхъ рѣкъ съ судоходными притоками, какъ Россія. Уже Геродотъ говоритъ, что въ Скиѣи нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ея орошающихъ \*\*). Уже выше было сказано, что Уралобалтійскій хребетъ дѣлитъ всю Европейскую Россію на два склона, сѣверозападный и юговосточный, и такимъ образомъ опредѣляетъ тоже направленіе главнѣйшихъ ея рѣкъ. Рѣки сѣверозападнаго склона отдѣляются отъ рѣкъ юговосточнаго только незначительными волоками, образуемыми означеннымъ плоскимъ хребтомъ, черезъ которые въ старину перевозили или перетаскивали, *переволокивали* суда, отправляясь изъ области сѣверозападной въ область юго-

\*) Мы ограничились указаніемъ на одни главнѣйшія направленія народной дѣятельности. Такъ напр. о средней Россіи мы сказали только, что господствующая въ ней дѣятельность есть промышленность разнаго рода; еслибъ мы захотѣли распространяться о мѣстныхъ ея направленіяхъ и отрасляхъ, въ свою очередь обусловленныхъ природою страны, — напр. что въ мѣстахъ лѣсистыхъ губерній Новгородской и Тверской обширное рѣчное судоходство по Волгѣ и тремъ системамъ каналовъ указало жителямъ на строеніе лодокъ и барокъ, приготовленіе снастей и пр.; что липовые лѣса восточной части Костромской губерніи развили въ ней мочальный промыселъ и пчеловодство и пр. и пр. — то это, конечно, послужило бы очевиднымъ подтвержденіемъ главной нашей мысли о вліяніи страны на дѣятельность ея обитателей, но завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Сказаннаго достаточно для общаго очерка.

\*\*) Ист. Гер., кн. IV, §§ 47. 82.

восточную. Но орлиный взоръ Петра Великаго, желавшаго оживить торговлю въ своемъ государствѣ, открывъ самыя удобныя пункты, гдѣ можно было провести каналы для соединенія сѣверозапада съ юговостокомъ; чего не успѣлъ сдѣлать онъ самъ, то исполнено, по его указаніямъ, его преемниками. Такимъ образомъ соединяются нынѣ, даже нѣсколькими, отчасти различными путями, Балтійское море съ Чернымъ, Бѣлымъ и Каспійскимъ, и послѣднія два между собою; только соединеніе Чернаго моря съ Каспійскимъ, тоже предположенное Петромъ Великимъ посредствомъ Иловли притока Дона и Волги, еще не осуществлено. Какъ въ древности играетъ изъ рѣкъ Россіи важнѣйшую роль Диѣпръ, главный членъ великаго средиземнаго воднаго пути изъ Скандинавіи въ Грецію, начинавшагося устьемъ Невы и оканчивавшагося устьемъ Диѣпра, такъ въ новѣйшее время эта честь принадлежитъ Волгѣ, соединяющей большую часть Россіи, и именно главныя, центральныя ея области, съ С. Петербургомъ, сердце государства съ главою. Верховье ея указываетъ на Балтійское море и на З. Европу, низовье на Каспійское море и средину Азіи; Кама, прежде соединенная каналомъ съ Вычегдою, на Бѣлое море, но сверхъ того своими восточными притоками и на Сибирь, а Ока, отдѣленная только незначительнымъ волокомъ отъ Десны, на Черное море. Но для нашей цѣли довольно и этихъ немногихъ замѣчаній; кто желаетъ подробнѣе узнать объ этомъ предметѣ, тому совѣтуемъ обратиться къ сочиненіямъ Виттенгейма и особенно Штуккенберга. Заключимъ замѣчаніемъ, что вся эта сѣть рѣкъ и каналовъ соединяетъ всю обширную равнину Е. Россіи самымъ естественнымъ образомъ въ одно огромное цѣлое: ничто не содѣйствуетъ въ такой высокой степени къ соединенію между собою народовъ и племенъ, какъ рѣки, сіи естественныя пути сообщенія. Эти-то рѣчныя системы, нынѣ столь важныя для торговли, имѣли въ этомъ отношеніи не менѣе важности и въ древности. Вспомнимъ здѣсь только о двухъ знаменитѣйшихъ торговыхъ путяхъ, о пути изъ средней Азіи вверхъ по Волгѣ (на которой процвѣтали одинъ за другимъ славныя торговыя города, Гелонъ, Атель, Болгары, Сарай, Казань, Макаръевъ и нынѣ процвѣтаетъ Нижній Новгородъ), въ Біармію и оттуда по Сѣверной Двинѣ (Холмгардъ =

Холмогоры) къ Бѣлому морю\*), но изъ Біарміи тоже Волгою въ В. Новгородъ, также называвшійся у Скандинавовъ Холмгардомъ; потомъ о пути изъ Греціи по Днѣпру въ сѣверозападную Европу, имѣвшемъ высокое значеніе уже со времени основанія Греческихъ колоній на сѣверныхъ берегахъ Понта Эвксинскаго до образованія Русскаго государства, когда стали славиться на немъ особенно Кіевъ и В. Новгородъ, отчасти и Смоленскъ. Со времени перваго появленія Норманновъ въ Исторіи встрѣчаемъ мы ихъ торгующими по обоимъ путямъ. — Но если мы внимательнѣе разсмотримъ историческій ходъ событій въ нашемъ отечествѣ, то легко откроемъ и историческое значеніе рѣкъ: по нимъ первоначально встрѣчаемъ Славянскія и Финскія племена; по нимъ проникаютъ Варяги въ Сарматскую равнину и отправляются изъ Скандинавіи въ Грецію; по нимъ совершаютъ первые Варягорусскіе князья свои походы; по нимъ строятся города и распространяется народонаселеніе; по нимъ идетъ колонизація необитаемыхъ странъ донинѣ, такъ точно какъ по нимъ Ермакъ Тимофеевъ съ своими удалцами и за нимъ промышленники съ маленькими отрядами Казаковъ проникли въ Сибирь и наконецъ почти незамѣтно покорили ее до самаго Восточнаго океана; однимъ словомъ: преимущественно по рѣкамъ совершилось постепенное расширеніе границъ государства. -- Что рѣчное судоходство процвѣтало въ древней Руси, это мы видимъ яснѣе всего изъ множества носящихъ на себѣ печать глубокой древности остатковъ большихъ судовъ въ рѣкахъ особенно южной Россіи, напр. въ Стугнѣ, Трубежѣ, Сулѣ, Хоролѣ, Ворсклѣ и пр., которыя нынѣ большею частію совершенно мелководны и потому несудоходны, а въ древности, судя по сохранившимся въ нихъ остаткамъ большихъ судовъ, были многоводны и способны къ судоходству. Какъ извѣстно, рѣки южной Россіи мелѣютъ не только у своихъ устьевъ, но многія вообще пересыхаютъ. Этого обстоятельства не должно упускать изъ виду при опредѣленіи исторической важности какой-либо рѣки въ древности.

\*) Англичане, въ лицѣ предприимчиваго Дженкинсона, прибывшаго въ Б. море въ 1557 г., возобновили этотъ путь для торговыхъ сношеній съ Туркистаномъ и Ираномъ. Дженк. ходилъ въ Бухарію въ 1558.

Прежде чѣмъ станемъ говорить подробнѣе о вліяніи природы Русской земли на историческое развитіе государства, упомянемъ въ немногихъ словахъ о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ чертахъ этого вліянія на характеръ народа, его нравы и обычаи, его поэзію, словомъ, на весь его бытъ, тоже, въ извѣстной степени, служащій къ уразумѣнію соединенія всѣхъ частей огромной равнины въ одно цѣлое. Нужно ли говорить, что не всѣ черты народнаго быта объясняются природою страны? Многія изъ нихъ или вполне, или отчасти слѣдствіе происхожденія народа, его историческихъ судебъ и пр., а потому не принадлежатъ сюда. — Мы видѣли, что равнина, не смотря на свою огромность, нигдѣ не представляетъ *рѣзкихъ* переходовъ, обусловливаемыхъ значительными возвышеніями. Изъ этого можно заключить, что ни въ матеріальныхъ занятіяхъ народонаселенія, ни въ направленіи его духовной жизни мы не найдемъ *рѣзкихъ* различій, тѣмъ болѣе, что господствующее народонаселеніе, занимающее нынѣ большую и во всѣхъ отношеніяхъ важнѣйшую часть равнины, составляетъ одинъ народъ какъ по своему происхожденію и языку, такъ и по вѣрѣ. Не удивительно, если однообразіе природныхъ формъ страны и единство происхожденія народонаселенія, какъ и единство его языка и вѣры, обусловливающія одинаковыя склонности и потребности, произвели также большое сходство въ его занятіяхъ и средствахъ къ удовлетворенію этимъ склонностямъ и потребностямъ, и если всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, опять наложили печать схода, часто даже единообразія, на его характеръ, нравы, обычаи, повѣрья и поэзію. Но при всемъ этомъ сходствѣ и единообразіи въ главныхъ условіяхъ народной жизни мы все-таки находимъ въ ней, въ различныхъ краяхъ, свои особенности, свои оттѣнки. Они произошли отчасти отъ различныхъ историческихъ судебъ этихъ краевъ, отчасти отъ столкновеній и сосѣдства Славянъ съ иноплеменниками, отчасти отъ различной природы страны. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важно только послѣднее обстоятельство. Въ подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что мы сказали на счетъ схода главныхъ условій Русской жизни и особенныхъ ея оттѣнковъ въ разныхъ частяхъ государства, мы, въ видѣ примѣра, укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя черты жизни сѣвернаго и южнаго народонаселенія, разумѣя

подъ первымъ Великороссіянь, а подъ послѣднимъ Малороссіянь. — Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ Славянское племя искони обнаруживало стремленіе къ земледѣлю и, такъ сказать, по природному влеченію отыскивало себѣ удобныя для того земли, то земледѣліе и сдѣлалось его любимымъ, главнымъ занятіемъ, начиная съ сѣверной, лѣсной полосы до южной, степной включительно. Различная степень развитія и значенія земледѣлія въ отдѣльныхъ частяхъ государства зависитъ только отъ большей или меньшей удобности почвы къ обработыванію, и лишь тамъ, гдѣ она рѣшительно противится тому, или не вполне вознаграждаетъ земледѣльца за его труды, или гдѣ есть недостатокъ въ путяхъ сообщенія для сбыта земледѣльческихъ произведеній, мы находимъ въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ занятія другаго рода. Но совершенно безъ земледѣлія Славянинъ едва ли можетъ жить; гдѣ онъ поселится, тамъ непременно сдѣлаетъ попытку къ воздѣлыванію почвы; это мы видимъ какъ на суровомъ, прежде совершенно Финскомъ сѣверѣ, въ лѣсной полосѣ, такъ и на югѣ, въ степяхъ, отнятыхъ у Азіятскихъ кочевниковъ, и въ Сибири. Посему уже Гердеръ гдѣ-то сказалъ, что Славянинъ сотворенъ для того, чтобы владѣть землею для ея обработыванія. Это обстоятельство служитъ объясненіемъ тому, почему Малороссіянинъ, живущій въ самой благословенной части государства, исключительно преданъ земледѣлю и рѣдко оставляетъ свою родину, между тѣмъ какъ Великороссіянинъ, принужденный съ бо́льшимъ трудомъ извлекать изъ почвы ея дары, и часто съ весьма незначительнымъ успѣхомъ, не только охотно прибѣгаетъ тоже къ занятіямъ другаго рода, но даже легко оставляетъ свою родину, чтобы искать средствъ для пропитанія въ другихъ мѣстахъ огромной Имперіи. По этой же причинѣ Великороссіянинъ тоже гораздо смѣтливѣе и многостороннѣе въ практической жизни, нежели Малороссіянинъ; уже скудость его почвы изощряетъ его изобрѣтательность для приискыванія другихъ средствъ существованія; изъ этого же понятно, почему первый трудолюбивѣе послѣдняго: болѣе скудная природа перваго приучаетъ его трудиться въ потѣ лица, тогда какъ богатая послѣдняго вознаграждаетъ его съ избыткомъ уже за трудъ самый легкій. Это различіе въ характерѣ народномъ, проистекшее изъ различныхъ физическихъ условій страны, безъ сомнѣнія, наравнѣ

съ нѣкоторыми историческими условіями, много содѣйствовало къ развитію въ Великороссіи отношеній оброчныхъ, въ противоположность отношеніямъ барщиннымъ, основаннымъ на обработываніи крестьянами господской земли и господствующимъ въ Малороссіи (и въ Западныхъ губерніяхъ). — Единство и общность главныхъ условій жизни Русскаго народа въ высшей степени развили въ немъ чувство народности и любовь къ отечеству; въ какой бы конецъ Имперіи ни былъ занесенъ Русской человѣкъ, вездѣ онъ чувствуетъ себя сыномъ своей матери, Россіи: любовь къ отечеству въ немъ безпредѣльна; но чувство привязанности областной, привязанности къ родинѣ вообще гораздо слабѣе, именно потому, что главныя условія его жизни вездѣ въ огромномъ отечествѣ одна и тѣ же. Но если чувство любви къ общему отечеству равно сильно въ сердцахъ всѣхъ Русскихъ, то нельзя не замѣтить нѣкоторой разницы между жителями сѣвера и юга въ отношеніи къ привязанности областной, привязанности къ родинѣ. Мы уже сказали, что хлѣбородный югъ питаетъ народонаселеніе, занимающееся почти исключительно земледѣліемъ; но ничто не привязываетъ человѣка такъ сильно къ землѣ, какъ именно это занятіе, и потому, не говоря ужъ о различіи историческихъ условій, житель юга не могъ чувствовать необходимости въ отношеніяхъ оброчныхъ, дающихъ возможность странствовать по всей обширной Россіи, какъ чувствовалъ ее житель сѣвера, не всегда обезпечиваемый скудною природою своей страны на счетъ необходимѣйшихъ потребностей жизни. Вотъ почему, какъ было замѣчено уже выше, привязанность областная у Малороссіянина гораздо сильнѣе, чѣмъ у Великороссіянина. — Мы не будемъ здѣсь распространяться о различіи въ образѣ и орудіяхъ земледѣлія на югѣ, гдѣ почва не требуетъ никакого удобренія, и на сѣверѣ, гдѣ она вообще тяжелая, болѣе или менѣе тощая; — о различіи въ народномъ домостроеніи, или народной архитектурѣ, начиная съ просторныхъ сѣверныхъ деревянныхъ хоромъ до южныхъ мазанокъ и землянокъ въ странахъ совершенно безлѣсныхъ; — о различіи въ пищѣ, которая у Малороссіянина, по богатству даровъ природы, несправненно разнообразнѣе, нежели у Ве-

ликороссіянина \*) ; — о различіи въ одеждѣ, обусловленномъ различнымъ климатомъ сѣвера и юга и пр. и пр. \*\*): — всѣ эти предметы сами по себѣ весьма любопытны, но мы не можемъ вдаваться въ подробное ихъ изслѣдованіе ; мы ограничимся на этотъ разъ слѣдующими немногими замѣчаніями, касающимися до другаго, еще болѣе важнаго предмета, принадлежащаго къ области духовной жизни народа. Въ народной поэзіи всѣхъ земель, какъ сказочной, составляющей міръ фантазіи народа, такъ и въ пѣсенной, лирической, проявляющей его чувство, болѣе или менѣе отражается характеръ страны ; иначе быть не можетъ и въ Россіи. Но природа въ ней, какъ мы знаемъ, не вездѣ одинакова ; потому и проявленіе ея вліянія на народную поэзію различно въ различныхъ краяхъ : въ Малороссіи она гораздо прекраснѣе и роскошнѣе, нежели въ Великороссіи ; климатъ въ первой несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ послѣдней ; а кому неизвѣстно, какое вліяніе имѣетъ красота природы и благорастворенность воздуха на душу человѣка, а потому и на сердечныя его изліянія, на его поэзію ? Не удивительно, что не только природа въ Малороссійской поэзіи отражается въ образахъ и картинахъ болѣе многообразныхъ, живыхъ и изящныхъ, нежели въ поэзіи Великороссійской, но что въ Малороссіянцѣ мы вообще замѣчаемъ гораздо болѣе воображенія и чувства изящнаго, слѣдовательно и болѣе склонности и дарованія къ поэзіи, нежели въ Великороссіянцѣ ; сравненіе пѣсенъ того и другаго подтверждаетъ это вполне. Сколько самородной, истинной поэзіи въ небольшомъ собраніи Малороссійскихъ пѣсенъ, изданныхъ Макеимовичемъ въ 1827. въ Москвѣ ? Прекраснымъ пѣснямъ Малороссіянина соотвѣтствуетъ и его прекрасный голосъ, свойственный югу. Истина,

---

\*) Замѣтимъ мимоходомъ, что роль Великороссійскихъ щей и каши въ МР. играютъ борщъ и галушки и что Малороссіянинъ вообще большой охотникъ до мучныхъ кушаньевъ, являющихся на его столѣ во всѣхъ возможныхъ видахъ, и до сала.

\*\*\*) Тулуны сбѣлая принадлежность всего Русскаго народа : безъ тулуна не можетъ жить Русскій на суровомъ сѣверѣ ; но оны необходимы ему и въ южныхъ степяхъ, не только зимою, когда свирѣпствуютъ страшныя вьюги, но часто и лѣтомъ, потому что климатъ подверженъ быстрымъ переходамъ отъ жара къ холоду и наоборотъ.

что красота природы всегда и вездѣ пробуждаетъ поэзію и дѣйствуетъ на ея изящество, подтверждается не одною Русскою народною поэзіею; тотъ же результатъ получимъ, если обратимся къ Русской поэзіи высшаго разряда, начиная съ слова о полку Игоревѣ до творений Гоголя. Не принадлежатъ ли тѣ страницы, въ которыхъ пѣвецъ древняго времени и поэтъ новой эпохи заимствовали свои краски изъ природы южной Россіи, къ самымъ изящнымъ въ ихъ произведеніяхъ? Но и другіе поэты, какъ напримѣръ Лермонтовъ, писали блестящія картины съ прекрасной, величественной природы Кавказской. — Но стремленіе къ прекрасному проявляется не только въ поэзіи Малороссіянина, оно обнаруживается во всей его жизни: онъ не только содержитъ свою хату въ величайшей чистотѣ, но всячески украшаетъ ее, выбѣливая ее и окружая цвѣтниками и красивыми плетнями; молодіцы и дѣвушки украшаютъ голову свою лѣтомъ естественными цвѣтами, а зимою искусственными, собственнаго издѣлія; самыя народныя увеселенія, игры и пляски, носятъ на югѣ характеръ болѣе поэтической, нежели на сѣверѣ. Замѣчательно еще, что Малороссіянинъ имѣетъ рѣшительное дарованіе къ рисованію и живописи; живописцы-самоучки встрѣчаются на югѣ гораздо чаще, чѣмъ на сѣверѣ. Все это черты, въ которыхъ нельзя не видѣть болѣе или менѣе вліянія окружающей Малороссіянина природы. — Замѣчаютъ тоже, что женщины, какъ представительницы прекраснаго, въ Малороссіи вообще красивѣе и стройнѣе, нежели въ Великороссіи; напротивъ того мужественная красота и крѣпкое, богатырское тѣлосложеніе болѣе свойственны мужчинамъ сѣвера, чѣмъ мужчинамъ юга: большая дѣятельность сѣвернаго жителя и требуемое болѣе суровою природою напряженіе силъ, хотя и не чрезмѣрное, конечно не мало содѣйствовали къ развитію силы и крѣпости въ сѣверномъ мужчинѣ, такъ точно какъ болѣе легкая, не изнурительная работа, при другихъ благоприятныхъ условіяхъ, не могла мѣшать развитію красоты въ южной женщинѣ. Природа, которая требуетъ труда не легкаго, порывистаго, но труда напряженнаго, постояннаго, развиваетъ не только тѣлесную силу въ народѣ, но тоже энергію въ немъ и твердость характера; а „такой народъ, говоритъ г. Соловьевъ, наиболѣе способенъ положить среди себя

твердыя основы государственнаго быта и подчинить своему вліянію племена не столь энергическія.“ Не указываетъ ли намъ это обстоятельство на ту часть Русской государственной области, въ которой должно было образоваться ядро Русской Имперіи?

## III.

Изъ всего о природѣ области Европейской Россіи сказаннаго наибольшую важность для дальнѣйшаго нашего изслѣдованія имѣють слѣдующія ея свойства:

1.) Она представляетъ огромную равнину, почти со всѣхъ сторонъ окаймленную естественными границами, т. е. горами и морями, пересѣкаемую притомъ незначительными по своей высотѣ плоскими хребтами, изъ которыхъ особенно одинъ имѣетъ глубокое значеніе, раздѣляя всю равнину на двѣ области, на сѣверо-западную, имѣющую климатъ влажный и потому отличающуюся характеромъ болѣе Европейскимъ, и на юго-восточную, съ климатомъ вообще болѣе сухимъ и подверженнымъ быстрымъ переходамъ, слѣдственно напоминающую, въ извѣстной степени, природу Азіи.

2.) Эта равнина, хотя много содѣйствовавшая къ развитію на ней одной главной національности, по своей производительной силѣ дѣлится на разныя полосы, а именно, собственно фабричную и промышленную, земледѣльческую и степную), которыя своею природою обуславливаютъ болѣе или менѣе отличную въ каждой изъ нихъ народную дѣятельность и своими произведеніями дополняютъ другъ друга и только въ совокупности могутъ образовать сильное внутри и извнѣ государство, заключающее въ себѣ всѣ условія самостоятельности и независимости во всѣхъ отношеніяхъ.

3.) Эта огромная равнина пересѣкается удивительною сѣтью рѣкъ, нынѣ соединенныхъ между собою на междурѣчныхъ волокахъ каналами и изливающихся въ разныя моря, омывающія берега не только самой Россіи, но отчасти и берега прочей Европы и также Азіи. Такимъ образомъ рѣки Е. Россіи указываютъ ей въ одно и то же время на обѣ части свѣта: изъ этого, какъ и вообще изъ всего ея положенія явствуетъ, что она

4.) составляетъ посредствующій членъ между Западною Европою и Азіею.

Эти-то главные результаты, выведенные нами из природы территории Русского государства, применимъ теперь къ объясненію историческаго хода событій въ немъ, при чемъ откроется, что историческое значеніе отдѣльныхъ его частей въ большей или меньшей мѣрѣ обусловлено ихъ положеніемъ и природою. Замѣтимъ здѣсь кстати, что природа страны имѣетъ особенно сильное вліяніе на развитіе народа, пока онъ еще находится въ своемъ младенствѣ; а какъ Россія развивалась только медленно, въ слѣдствіе причинъ, ниже изложенныхъ, и, стало быть, періодъ ея младенчества въ умственномъ и политическомъ отношеніи продолжался долго, то и самое вліяніе природы на ея развитіе ошутительно въ продолженіе долгаго времени.

Прежде всего поражаетъ насъ огромность, громадность Россіи, даже одной Европейской. Но можетъ ли она не имѣть ея, когда сама природа указала ей обширные размѣры и непремѣнные предѣлы? Если горы разъединяютъ, особають народы, содѣйствуютъ къ развитію особнякъ народностей, то равнина напротивъ того непримѣтно соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое разсыяныя по ней племена, сначала, быть можетъ, жившія розно другъ отъ друга; особенности отдѣльныхъ племенъ, при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, постепенно сглаживаются, и сіи племена, уравниваясь въ понятіяхъ, образѣ жизни и пр., мало по малу входятъ въ составъ одного народа и образуютъ одно государство. Такое взаимное сближеніе племенъ, обитающихъ на равнинѣ, значительно облегчается и ускоряется, если эта равнина имѣетъ удобные естественные пути сообщенія-судоходныя рѣки; но какая другая страна можетъ въ этомъ отношеніи спорить о преимуществѣ съ Россією? Нѣтъ ничего естественнѣе постепеннаго сплоченія въ одно цѣлое всѣхъ частей Сарматской равнины и соединенія всѣхъ племенъ, въ древности населявшихъ ее, не только Славянскихъ, близкихъ другъ другу по одинаковому происхожденію, но и племенъ Финскихъ и другихъ, не отдѣленныхъ рѣзкими естественными предѣлами отъ своихъ Славянскихъ сосѣдей. Русское государство, зачавшееся призваніемъ Варягорусскихъ князей, по необходимости должно было обнять всю равнину; и если оно иногда, въ прежнія времена, постигнутое разными бѣдствіями, или распадалось на

части, или уступало свое достояніе сосѣдямъ, то это было только на время: распавшіяся части снова соединялись; отторгнутыя неодолимою силою притягивались къ своему естественному центру. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія достигла Е. Россія предѣловъ, назначенныхъ ей самою природою. Такія границы государства неизмѣнны и такой его составъ, при другихъ выгодныхъ условіяхъ, вѣрнѣйшее ручательство въ неодолимомъ его могуществѣ и всемірномъ значеніи. — Хотя много было причинъ медленнаго развитія Россіи, какъ напримѣръ уже съ перваго появленія въ ея области Славянъ то обстоятельство, что имъ достались страны, гдѣ прежде ихъ не было никакого развитія духовной жизни, между тѣмъ какъ Германскія племена, при своемъ выступленіи на сцену Исторіи, тотчасъ вступили въ сношенія съ народами, въ извѣстной степени, образованными и заняли страны, находившіяся подъ вліяніемъ сихъ послѣднихъ; — но ясно тоже, что такое огромное государственное тѣло, какъ все громадное въ природѣ, могло образоваться и развиваться только весьма медленно. „И чѣмъ огромнѣе тѣло государственное, говоритъ г. Соловьевъ, тѣмъ большаго труда и времени стоило его развитіе, если это развитіе было внутреннее, а не внѣшнее, случайное, основанное на завоеваніяхъ, родственныхъ союзахъ государей и пр., соединяющихъ часто элементы самые разнородные, которые столь же скоро опять распадаются, какъ соединились.“ Такъ и Россіи много нужно было времени для внутренняго развитія и окрѣпленія государственнаго организма, для сплавленія въ одно неразрывное цѣлое сближенныхъ самою природою, но все-таки во многихъ частностяхъ различныхъ между собою народныхъ элементовъ, чтобъ они ясно познали себя живыми членами одного тѣла государственнаго. Только тогда, когда государство достигнетъ этой цѣли, актъ его основанія и строенія совершится окончательно; до тѣхъ поръ вся его дѣятельность есть дѣятельность по преимуществу внутренняя, сосредоточенная въ немъ самомъ; участія въ дѣлахъ внѣшнихъ или нѣтъ вовсе, или если есть, то оно только случайное, мимолетное; государство еще не чувствуетъ себя необходимымъ звеномъ въ цѣпи государствъ, а народъ живымъ членомъ человѣчества. И такъ громадность Россіи, обу-

словенная самую ея природою, одна изъ главнѣйшихъ причинъ медленнаго ея развитія въ древнюю эпоху; только поздно, но за то тѣмъ рѣшительнѣе, начинается она принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европейскихъ, въ рѣшеніи вопросовъ общечеловѣческихъ. — Но не одна громадность государственной области содѣйствовала къ замедленію ея развитія; такое же замедлительное вліяніе имѣла на него и континентальность страны. Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ показываетъ намъ, что чѣмъ континентальнѣе страна, чѣмъ менѣе въ ней частей, омываемыхъ морями, тѣмъ менѣе у народа сношеній съ другими народами, тѣмъ медленнѣе его развитіе \*). Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ нашего вниманія тоже равнинность и низменность Русской государственной области: низменная равнина, которая долѣе покрыта была моремъ, нежели болѣе возвышенныя страны западныя, позже вышедши изъ-подъ воды, также образовалась *позже*; сверхъ того страны горныя, произведеніе преимущественно стихій огненной, образовались безъ сомнѣнія тоже *быстрѣе*, чѣмъ страны низменныя, произведеніе воды, стекавшей съ нея только медленно; следовательно равнина, притомъ низменная, могла сдѣлаться удобнымъ для человѣка мѣстомъ обитанія только поздно и медленно. Не предвѣщало ли нѣкоторымъ образомъ уже это обстоятельство, съ самаго начала, государству, образовавшемуся на такой равнинѣ, медленное и позднее выступленіе его на сцену Всобщей Исторіи? — Но наконецъ, въ слѣдствіе естественнаго развитія и окрѣпленія внутренняго организма, стало приближаться время окончательнаго сосредоточенія въ одно цѣлое всѣхъ частей, самую природою назначенныхъ Россіи въ удѣлъ и достояніе, и она, по мѣрѣ сего приближенія къ своимъ естественнымъ предѣламъ, начинаетъ дѣйствовать рѣшительнѣе и быстрѣе, чувствуя возрастаніе своихъ силъ не по днямъ, а по часамъ, и гордясь своимъ высокимъ значеніемъ, слѣдствіемъ могущества, плода ея медленнаго, но естественнаго развитія. Какъ *медленность* въ развитіи умственномъ, общественномъ и политическомъ, совершившемся почти исключительно изъ собственныхъ началъ, началъ чисто *народныхъ*, опло-

\*) Grundriss der Geogr. v. Berghaus, Breslau 1843, § 66, 5,

дотворенныхъ лишь Св. Вѣрою, составляетъ отличительный характеръ древней эпохи нашей Исторіи, эпохи постепеннаго образованія государственнаго тѣла и народности, такъ отличительнымъ характеромъ новой эпохи, эпохи съ государственнымъ тѣломъ, уже окрѣпшимъ и народностью, ясно выразившеюся, можемъ назвать *быстро-ту* развитія изъ началъ *общегеловѣгескихъ*, пробужденныхъ въ народѣ вступленіемъ его въ связь съ просвѣщеннымъ Западомъ. Не даромъ любимый богатырь Русскаго народа — Илья Муромецъ, который тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ, а потомъ, почувавъ и сознавъ свои силы, совершалъ подвигъ за подвигомъ, одинъ другаго отважнѣе и удивительнѣе. Эти-то двѣ различныя эпохи Исторіи Русскаго народа имѣютъ каждая свой особенный государственный центръ, свой театръ государственной дѣятельности. — Означивъ, въ общихъ чертахъ, характеръ историческаго развитія Россіи, обусловленный, въ извѣстной степени, самою природою страны, постараемся теперь изложить подробнѣе, какъ именно совершалось это постепенное и естественное развитіе. Такъ какъ южный край нынѣшней Е. Россіи, отличающійся своими степями, прежде всѣхъ прочихъ ея частей дѣлается извѣстнымъ въ Исторіи, то мы и съ него начнемъ свое обозрѣніе.

Съ седьмага столѣтія до Р. Х. Греки начали основывать на сѣверномъ берегу Понта Эвксинскаго колоніи, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напр. Ольбія и Пантикапей, достигли, въ теченіе времени, высокаго значенія. Тогда прежній мракъ неизвѣстности, покрывавшій дотолѣ эти страны, начинаетъ мало по малу разсѣваться; прежнія баснословныя сказки о землѣ Киммерійцевъ замѣняются сказаніями болѣе достоверными, знакомящими насъ съ тогдашними обитателями и съ природою этихъ странъ. Первыми такими извѣстіями какъ о многихъ другихъ земляхъ, такъ и о странахъ, прилегающихъ къ сѣверному берегу Чернаго моря, обязаны мы Геродоту. „Вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну и жизнь ея обитателей“, и его описаніе какъ той, такъ и другой вообще вѣрно и нынѣ, послѣ тысячелѣтій. Хотя другое, густое народонаселеніе, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространяется въ нынѣшней южной Россіи; но все-таки не успѣли еще исчезнуть въ ней послѣдніе остатки кочевниковъ. Страну эту изображаетъ намъ Геродотъ рав-

виною \*), орошаемою многими большими рѣками\*\*), вообще безлѣсною\*\*\*), но травнистою\*\*\*\*), съ климатомъ суровымъ, (суровымъ особенно для Грека)\*\*\*\*\*). Такая страна соотвѣтствуетъ болѣе всего потребностямъ народонаселенія кочеваго. И дѣйствительно, образъ жизни у большей части ея обитателей, по словамъ Геродота, былъ кочевой; ихъ жены и дѣти жили въ кибиткахъ; мужчины, вооруженные луками и стрѣлами, разбѣжая на конѣ, управляли стадами, съ которыми они перекочевывали съ мѣста на мѣсто и которыя доставляли имъ пищу\*\*\*\*\*). Любимымъ и единственнымъ благороднымъ занятіемъ мужчины была война и охота\*\*\*\*\*). Такъ точно и у всѣхъ прочихъ народовъ, обитавшихъ послѣ Скивовъ въ тѣхъ же странахъ, кочевая жизнь составляла отличительную черту; а воинственный духъ встрѣчаемъ у всѣхъ ихъ, начиная со Скивовъ включительно до Казаковъ. — Но не всѣ Скивы были кочевники; Геродотъ говоритъ тоже о Скивахъ — земледѣльцахъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Гилаи\*\*\*\*\*), гдѣ слѣдовательно близость лѣсовъ дѣлала хлѣбопашество возможнымъ, и о другихъ сѣверныхъ племенахъ, тоже занимавшихся земледѣліемъ и даже торговавшихъ хлѣбомъ\*\*\*\*\*). Эти послѣднія жили вѣроятно въ тѣхъ же странахъ чернозему,

\*) Ист. Гер., кн. IV, §§ 23, 47.

\*\*) Тамъ же, кн. IV, §§ 47, 82.

\*\*\*) Тамъ же, кн. IV, §§ 19, 21, 61. Исключеніе составляла т. н. Гилая, страна лѣсная, лежавшая на востокъ отъ устья Борисеена (тамъ же, §§ 18, 76); потомъ упоминаетъ Г. еще о лѣсахъ далѣе на востокъ, въ землѣ Будиновъ (тамъ же, § 21) и въ землѣ Тиссагетовъ (тамъ же, § 22), жившихъ, по всей вѣроятности, по предгоріямъ Уральскимъ, еще донынѣ покрытымъ лѣсами.

\*\*\*\*) Тамъ же, § 47.

\*\*\*\*\*) Ист. Гер., кн. IV, § 23. — Есть у Геродота намекъ даже на шубы или тулупы, столь употребительныя и донынѣ даже въ южной Россіи; ибо по его словамъ племя Невровъ каждый годъ на нѣсколько времени превращалось въ волковъ (тамъ же, § 105). Сверхъ того онъ только о Меланхленахъ говоритъ, что у нихъ одежда черная, какъ бы намекая тѣмъ на то, что у прочихъ племенъ одежда была свѣтлая, быть можетъ въ родѣ нынѣшнихъ тулуновъ; ибо по всей вѣроятности стада имъ и одежду доставляли.

\*\*\*\*\*) Тамъ же, § 46, 114, 121.

\*\*\*\*\*) Тамъ же, кн. II, § 167 и кн. I, § 73.

\*\*\*\*\*) Тамъ же, кн. IV, § 12.

\*\*\*\*\*) Тамъ же, § 17.

которыя и нынѣ составляютъ житницу Россіи; но наврядъ ли они были единоплеменники Скиѳамъ-кочевникамъ \*).

Вотъ въ немногихъ словахъ Геродотово изображеніе Понтійскихъ степей. Южный ихъ край былъ усѣянъ цвѣтущими Греческими городами, которые производили обширную торговлю произведеніями сѣверныхъ странъ и посему не могли не вступать въ сношенія съ туземцами. Но проникли ли Греческая жизнь и образованіе внутрь страны и пустили тамъ корень? Нѣтъ; съ исчезновеніемъ самихъ Грековъ исчезаютъ тамъ и послѣдніе слѣды ихъ вліянія; даже самые города превращаются въ груды развалинъ. Такъ лѣтній зной превращаетъ въ пыль всю красу пышной степной весны, а мятели суровой зимы въ нѣсколько дней мертвятъ скороспѣлыя произведенія кратковременной, но тѣмъ не менѣе отрадной степной осени: все въ степи цвѣтетъ только на минуту, ничто не пускаетъ глубокихъ корней. Это явленіе повторяется и въ духовномъ смыслѣ во все слѣдующіе вѣка: такъ же поверхностно и мимолетно было въ этихъ странахъ и вліяніе Римлянъ, Византійцевъ и Генуэзцевъ. Только южная Таврида съ своими горами и прелестными долинами составляетъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе изъ общаго правила, именно потому, что въ ней другая природа; только въ ней образовались царства, процвѣтавшія долгое время, а въ ущеліяхъ ея горъ укрывались, послѣ паденія царствъ, отъ разныхъ грозныхъ варваровъ послѣдніе остатки прежнихъ народовъ, обнаруживавшихъ въ ней стремленіе къ просвѣщенію. За то самыя степи, столь привольныя для жизни кочевой, на много вѣковъ сдѣлались перепутьемъ и гульбищемъ дикихъ кочевыхъ ордъ, такъ долго тревожившихъ и громившихъ Европу, и это-то обстоятельство даетъ имъ важное историческое значеніе.

---

\*) По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напр. Гапзена (*Ost-Europa nach Herodot, § 443*), только народы кочевые, которые, сидя на конѣ, пасли свои стада, приходили въ Европу такъ называемыми Уралокаспійскими воротами народопереселенія, а для народовъ Индоевропейскаго племени, занимавшихся земледѣліемъ, служили путемъ въ Европу Малая Азія и Балканскій полуостровъ.

Скифы не первобытные обитатели Понтийских степей; они, как повѣствуетъ Геродотъ \*), лѣтъ за тысячу до похода Дарія Истаспа (т. е. около 1500 года до Р. Х., когда указываетъ намъ Исторія и на другія переселенія народовъ), тѣснимые Массагетами, двинулись съ востока \*\*) въ землю Киммерійцевъ, прежнихъ обитателей Скиѳии, которые отчасти погибли въ междоусобной войнѣ на берегахъ Тираса (Днѣстра), отчасти переселились въ Малую Азію; но часть ихъ вѣроятно укрылась тоже въ ущеліяхъ Таврическихъ горъ. Но и имя Скифовъ исчезаетъ, потому что Сарматы\*\*\*), жившіе, по словамъ Геродота, первоначально на востокъ отъ Танаиса, во II и I столѣтіи до Р. Х. покоряють ихъ себѣ и вся страна отъ Каспійскаго моря до Вислы, и отъ Колхиды до отдаленнаго сѣвера называется у Римлянъ Сарматією. — Потомъ, въ концѣ II или въ началѣ III столѣтія по Р. Х. стали распространяться съ береговъ Балтійскаго моря по Сарматской равнинѣ выходцы Скандинавскіе и подчинили своей власти Сарматовъ. Подъ начальствомъ славнаго своего царя Эрманариха Восточные Готы образовали, въ предѣлахъ нынѣшней Е. Россіи, сильное государство, простиравшееся отъ Балтійскаго моря до Дона, на востокъ отъ котораго жили Аланы, т. е. горцы, принадлежавшіе, по мнѣнію Неймана, основанному на показаніяхъ Амміана, къ различнымъ племенамъ, а по мнѣнію Шафарика составлявшіе особенное поколѣніе Сарматовъ\*\*\*\*). Но тогда явился съ востока Гунны и потѣснили на западъ Алановъ; въ сраженіи съ Гуннами погибъ Эрманарихъ и съ его смертью рушилось, въ послѣдней половинѣ IV столѣтія, царство Остъ-Готовъ. Когда именно вышли Гунны изъ Азіи и долго ли кочевали они между

\*) Ист. Гер., кн. IV, 41.

\*\*) Объ Азіатскомъ происхожденіи Скифовъ см. Ost-Europa nach Herodot, von Hansen, § 387 и слѣд.

\*\*\*) Мнѣнія ученыхъ о Сарматахъ еще весьма разногласны. Шафарикъ, напр., называетъ ихъ единоплеменниками Мидянъ и Паролъ, Нейманъ почитаетъ ихъ Славянами (Сарматы = Србъ; die Völker des südl. Russlands., von Neumann, стр. 13), а Ганзенъ единоплеменниками Скифовъ, Гунновъ и Монголовъ.

\*\*\*\*) Эти два мнѣнія можно согласить, если допустимъ, (что впрочемъ болѣе чѣмъ вѣроятно), что древніе носители, само собой, того не зная, подъ общимъ именемъ Сарматовъ разумѣли совсѣмъ различные народы или смѣсь разныхъ народовъ.

Ураломъ и Волгою, прежде чѣмъ двинулись на Алановъ и Остъ-Готоовъ, этого мы не знаемъ; но ихъ появленіемъ открывається цѣлый рядъ вторженій въ предѣлы Европы народовъ Среднеазіятскихъ, какъ-то: Монгольскихъ, Турецкихъ и Татарскихъ, изъ коихъ нѣкоторые, въ разные времена, глубоко проникаютъ въ сердце Европы и неоднократно угрожаютъ истребленіемъ принявшемуся тамъ развитію общечеловѣческой образованности. Уралокаспійская низменность служила всѣмъ этимъ незванымъ гостямъ, при ихъ стремленіи съ востока на западъ, естественными вратами изъ середины Азіи въ Европу, а Южнорусскія степи, составляющія продолженіе Среднеазіятскихъ, столбовою дорогою и привольнымъ перепутьемъ. Впрочемъ, онѣ сдѣлались гульбищемъ не только для народовъ, вышедшихъ изъ глубины Азіи въ позднѣйшія времена, но и для народовъ, которые, по всей вѣроятности, съ незапамятныхъ временъ обитали около Уральскихъ горъ, какъ напр. Болгаре, Хазары, Угры (Венгры). — Въ теченіе вѣковъ въ сихъ страхахъ одни названія народовъ, болѣе или менѣе дикихъ, смѣняются другими: съ Гуннами являются и Аланы, потомъ Авары (Обры у Нестора), за ними Болгаре, тогда Хазары, Печенѣги, Торки (по мнѣнію Карамзина то же, что Узы), Половцы, Монголы, Татары, Калмыки (вѣроятно новѣйшіе выходцы изъ Азіи, за исключеніемъ Киргизъ-Кайсаковъ Букевской орды, поселившихся, съ дозволенія Русскаго Правительства, между Ураломъ и Волгою только въ 1801 году). Но не забудемъ, во-первыхъ, что многія племена уже задолго до того времени, когда Исторія получаетъ о нихъ свѣдѣнія, занимали тѣ же мѣста, гдѣ ихъ впервые застаётъ бытописатель, и во-вторыхъ, что не должно думать, что всякое *новое названіе народа* всегда озвначаетъ дѣйствительно и *новый народъ*: одни и тѣ же народы, сливаясь съ другими народами какъ побѣдители или побѣжденные, или отдѣляясь отъ нихъ, въ разные времена и у разныхъ сосѣдей носятъ различныя названія; изъ чего само собою слѣдуетъ, что если названіе какого-нибудь народа исчезаетъ съ скрижалей Исторіи, то это еще не значитъ, что самый народъ пресѣкъся или истребленъ до послѣдняго чело-вѣка, чтобъ уступить свое мѣсто какому-либо другому народу. Если примѣнимъ эти двѣ историками обще-признанныя истины къ народамъ, кочевавшимъ на югѣ

и юговостокъ Е. Россіи, то мы вправѣ думать, что многіе изъ нихъ, хотя подъ иными названіями, упомянуты даже у Геродота, тѣмъ болѣе у Плинія и Птолемея, и что если многія изъ этихъ племенъ опять теряются во мракъ неизвѣстности, то это вообще значитъ только, что они, будучи побѣждены или по инымъ причинамъ, сллились съ другими племенами въ одинъ народъ и, утративъ свою самостоятельность, потеряли вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее свое названіе. Но не смотря на то, какое бы ни носили названіе всѣ эти народы, они всѣ по преимуществу кочевые и всѣ отличаются дикостью и свирѣпостью; темные слухи о благахъ и сокровищахъ южной и западной Европы влекутъ ихъ туда неодолимою силою; Европа трепещетъ и едва отбивается отъ нихъ; являются все новыя полчища, какъ тучи саранчи, которая истребляетъ все, что встрѣчаетъ на пути своемъ. Не опредѣляются ли всѣ эти историческія судьбы Скиѳіи самою природою ея области? Чѣмъ могла быть эта степная страна, тѣсно соединенная съ Среднеазіатскими степями, если не гульбищемъ для хищныхъ кочевыхъ ордъ Аліятскихъ, тѣснимыхъ съ востока другими такими же ордами, тоже ищущими добычи? Это движеніе могло прекратиться не прежде, какъ съ образованіемъ, на сѣверъ отъ великаго пути народопереселенія, сильнаго государства, которое навсегда могло бы остановить это пагубное движеніе.

Таково было положеніе дѣлъ на югѣ Сарматской равнины, когда на сѣверозападѣ, на берегахъ Ильменскаго озера, зачалось Русское государство. Не съ юга должны были получить успокоеніе земли, прилегающія къ сѣвернымъ берегамъ Понта Эвксинскаго и сѣлавшіяся, по своей природѣ, на долго достояніемъ грозныхъ и хищныхъ кочевниковъ. Какъ Греція не успѣла передать Скиѳіи своей цивилизаціи, такъ Римъ и Византія напрасно напрягали всѣ свои силы, чтобы дать отпоръ варварамъ, вихремъ стремившимся чрезъ Скиѳію съ Востока на Западъ. Не Риму и не Византіи судьба назначила остановить стремительное движеніе Азіятцевъ на Европу. Правда, Германія съ успѣхомъ начала бороться съ жадными пришельцами; но не та задача была назначена Провидѣніемъ ей и прочему Западу. Провидѣніе поставило Русское государство, между Востокомъ и Западомъ, стражемъ развитія Евро-

пейской цивилизаціи; пока Россія вела тяжкую борьбу съ Азіею, Европа могла спокойно развивать свои духовныя силы. Но не на югѣ, на пути народовъ изъ Азіи въ Европу или въ сосѣдствѣ его, могло зачатъся государство; тамъ оно скоро было бы стерто съ лица земли, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ своего существованія, какъ исчезаютъ нѣжные злаки подѣ копытами стадъ и коней кочующихъ ордъ, стравленные или етопанные. Только далеко отъ гульбища кочевниковъ, на сѣверѣ, могло получить государство свое начало, чтобы прежде окрѣпнуть и тогда уже начать борьбу, отъ лица Европы, съ дикими и хищными варварами Азіи.

До сихъ поръ мы говорили только о южномъ, степномъ краѣ Сарматской равнины, въ которомъ издревле кочевали дикія племена, выходцы изъ средней Азіи. Что касается до странъ на сѣверѣ отъ Понтійскихъ степей, то древнѣйшими ихъ обитателями, на которыхъ указываетъ намъ Исторія съ достовѣрностью, были племена Чудскія, т. е. Финскія, или Угрскія (Югорекія), какъ называютъ ихъ нѣкоторые новѣйшіе ученые. Эти племена, по всей вѣроятности, прежде населяли только долины Уральскихъ горъ и оттуда заняли сначала между прочимъ и средину равнины на западъ отъ горъ, покрытую въ древности дремучими лѣсами; но гдѣ было первоначальное ихъ отечество, это покрыто мракомъ временъ доисторическихъ; впрочемъ то обстоятельство, что они донынѣ имѣютъ соплеменниковъ въ Алтайскихъ горахъ, указываетъ на среднюю Азію. Эти Чудскія племена, за исключеніемъ Мадьяровъ (если допустимъ это родство, въ которомъ впрочемъ убѣждены многіе новѣйшіе, даже Мадьярскіе ученые, какъ напр. Регули\*) и, быть можетъ, тоже Болгаръ, собственно не играли никакой самостоятельной исторической роли. Какое же ихъ значеніе въ Исторіи? Имъ суждено было предуготовить почву для другаго народа, предназначеннаго Провидѣніемъ образовать государство. Первоначальная обработка дикой почвы, т. е. истребленіе лѣсовъ и осушеніе болотъ, донынѣ составляетъ любимѣйшее занятіе Финна, какъ была имъ издревле; искони имѣлъ онъ дѣло съ природою

---

\*) Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs etc., herausgeg. von K. E. v. Baer u. G. v. Helmersen, Bd. IX, стр. 220 и слѣд.

дикую и суровою и эта-то природа и его тяжкая борьба съ нею наложили на его характеръ неизгладимую печать вѣчной мрачности, суровости и грусти. — Какой же это другой народъ, для котораго племена Финскія должны были очистить и приготовить удобныя для осѣлости жилища? Это Славяне, единоплеменники народовъ Индоевропейскихъ, которые, будучи тѣсными разными могущественными врагами, двинулись съ береговъ Дуная на сѣверъ и сѣверовостокъ и проникли сначала въ западныя части огромной Сарматской равнины. Этимъ событіемъ начинается рѣшительное движеніе Европейскаго народонаселенія навстрѣчу вѣковому движенію дикихъ Азіятскихъ ордъ на Западъ: это событіе есть краеугольный камень новаго порядка дѣлъ на необозримой Восточноевропейской равнинѣ. Не будемъ останавливаться на постепенномъ расселеніи Славянскихъ племенъ; скажемъ только, что они, распространяясь по равнинѣ, стремились преимущественно на сѣверъ, поселяясь отдѣльными племенами по озерамъ и теченію рѣкъ западныхъ и среднихъ ея частей, въ мѣстахъ, удобныхъ для земледѣлія, тѣсня притомъ первобытныхъ ея обитателей, т. е. племена Финскія, все далѣе на сѣверъ \*) и сѣверовостокъ, или подчиняя ихъ своей народности и сливаясь съ ними. Жили Славянскія племена первоначально далеко другъ отъ друга въ патриархальной простотѣ, которая была необходимымъ слѣдствіемъ ихъ разрозненности, обусловленной въ свою очередь малочисленностью первоначальнаго народонаселенія и огромностью пространства, имъ занимаемаго. Но мало по малу племена размножились и распространились; ихъ предѣлы стали соприкасаться; враждебныя столкновенія сдѣлались неизбѣжными, патриархальный, т. е. родовой и племенной бытъ \*\*) оказался уже недостаточнымъ и

---

\*) Сѣверныя Финскія племена большею частью называются именами, намекающими на ихъ болотистыя жилища; напр. собственные Финны, жители Финляндіи, называютъ себя Суоми, Лопари — Саме; то же означаетъ и названіе „Финны“, отъ древне-англосак. слова Fen, т. е. болото (Neumann, die Völker des südl. Russl., стр. 13).

\*\*) Нѣтъ сомнѣній, что міръ въ Русскомъ сельскомъ быту, какъ и его устройство произошли отъ древняго племеннаго и

нѣкоторыя племена почувствовали необходимость въ верховномъ миротворцѣ и правителѣ. Но какія это были племена? Тѣ, которыя первыя, по положенію своей страны и удобнымъ воднымъ путямъ, должны были войти въ сношенія съ другими народами и тѣмъ развить у себя общественную жизнь болѣе сложную, требовавшую большаго распорядка, чѣмъ требовалъ бытъ племень, жившихъ особною жизнью родою подъ властью своихъ родоначальниковъ и старѣйшинъ, — слѣдовательно племена, которымъ сама природа ихъ страны содѣйствовала къ быстрѣйшему развитію гражданской жизни и тѣмъ обусловила ихъ раннее (относительно обитателей прочихъ частей равнины) выступленіе на театр Исторіи. Кому неизвѣстенъ знаменитый водный путь изъ сѣверозападной Европы въ юговосточную и въ Азію, „изъ Варягъ въ Греки“, по которому Варяги ходили для службы въ Грецію или для опустошенія ея; по которому производилась издревле торговля между сѣверозападомъ и юговостокомъ Европы и Азіею? Племена, жившія по этому пути и въ сосѣдствѣ съ міромъ Германоскандинавскимъ, должны были первыя получить политическое значеніе и развитіе какъ въ слѣдствіе столкновенія съ иноплеменниками, такъ и въ слѣдствіе своего большаго богатства, плода торговой дѣятельности, пробужденной этимъ же столкновеніемъ и удобствомъ водныхъ торговыхъ путей на сѣверозападъ, югъ и даже юговостокъ, гдѣ въ среднихъ частяхъ Волги издревле процвѣтала торговля, во времена Геродотовы въ городъ Гелонѣ, а въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ Болгарахъ. И не мудрено, что при измѣнившихся обстоятельствахъ Славяне Ильменскіе, вмѣстѣ съ племенами Славянскими и Финскими, съ ними союзными\*), желая водворить у себя новый порядокъ, соотвѣтственный ихъ новымъ потребностямъ,

---

родоваго быта, который въ свою очередь болѣе или менѣе былъ слѣдствіемъ первоначальнаго расселенія племенъ по теченію отдѣльныхъ рѣкъ.

\*) Такіе союзы, какъ напр. съ Весью, жившего около Бѣлаозера и Шексны, выдающей въ Волгу, составились вѣроятно въ слѣдствіе торговыхъ сношеній; Вось жила въ странѣ лѣсистой, богатой пушными звѣрями; сверхъ того путь въ Волгу и внизъ по ней былъ ей безъ сомнѣнія не безъизвѣстенъ, на что указываетъ скорое присоединеніе къ Новгородскому великому княжеству Ростова и Муромъ.

приглашаютъ къ себѣ князей Варягорусскихъ, которыхъ они знали, по своимъ сношеніямъ съ ними, какъ мужей твердыхъ, способныхъ возстановить въ ихъ землѣ спокойствіе и порядокъ, а главное, какъ вождей воинственныхъ, закаленныхъ въ бояхъ, которые могли охранять ихъ въ мирныхъ ихъ занятіяхъ, земледѣльческихъ и торговыхъ. Варяжскую твердость и храбрость они испытали даже на самихъ себѣ, когда были принуждены Варягами платить имъ дань; ибо Несторъ ясно говоритъ, что уже прежде призванія Варягорусскихъ князей Славяне платили дань Варягамъ; а если эти пришельцы въ послѣдствіи ими опять были изгнаны, то это вѣроятно было слѣдствіемъ малочисленности поселившихся въ Славянской землѣ Варяговъ. Тогда прежде мирнымъ жителямъ равнины, распавшимся на множество отдѣльныхъ племенъ и родовъ, угрожали совершенное раздробленіе и конечная гибель отъ возникшихъ между ними распрей, изъ которыхъ они не въ состояніи были выйти собственными силами. Междоусобія могли быть прекращены и племена соединены въ одно цѣлое только вождями воинственными и предприимчивыми, которые въ то же время могли бы приучать новыхъ своихъ подданныхъ къ подвигамъ воинскимъ, которыхъ судьба готовила имъ много въ будущемъ. Такое сляніе всѣхъ племенъ въ одинъ народъ было необходимо для того, чтобы они могли исполнить задачу, ясно указанную имъ Провидѣніемъ въ самомъ мѣстоположеніи ихъ земли: быть стражами Европы и грозю кочевыхъ Азіатскихъ ордъ. Это другая причина, зачѣмъ государство должно было зачатъ на сѣверо-западѣ равнины, въ сосѣдствѣ воинственнаго міра Скандинавскаго. И такъ Новгородъ сдѣлался первымъ центромъ новаго государства, которое при самомъ своемъ основаніи приняло въ свои нѣдра воинственный элементъ сыновъ Скандинавіи. Замѣтимъ еще, что это юное государство, главное народонаселеніе котораго было Индоевропейское и князя котораго съ своею дружиною принадлежали къ чисто Европейскому, Германоскандинавскому племени, сосредоточилось первоначально въ той части Сарматской равнины, которая, какъ мы видѣли уже выше, носитъ характеръ чисто Европейскій. Не есть ли это намекъ слишкомъ ясный, что этому государству суждено было сдѣлаться государствомъ Европейскимъ?

Не станемъ входить во всѣ подробности дальнѣйшаго распространенія границъ государства, но ограничимся однѣми главными чертами. Справедливо говоритъ г. Соловьевъ, что рѣчныя системы играютъ въ этомъ дѣлѣ не мало важную роль. »Рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣляли въ началѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью область Днѣпра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую область верхней Волги, область Ростовская \*)«. Мѣстомъ рожденія Руси, какъ государства, была страна источниковъ ея главнѣйшихъ рѣкъ, откуда она, по теченію ихъ, мало по малу должна была распространиться во всѣ стороны до ихъ устьевъ, т. е. до морей Балтійскаго и Каспійскаго, Бѣлаго и Чернаго. Уже самое прибытіе Варягорусскихъ князей къ Славянамъ совершилось вѣроятно воднымъ путемъ, Невою, Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ, какъ бы въ предзнаменованіе того, что они будутъ проникать въ землю рѣками и прежде всего на нихъ утверждать свое господство, что впрочемъ было сообразно не только съ природою страны, но тоже съ ихъ характеромъ и обычаями, какъ людей, свыкшихся съ жизнью на морѣ и на судахъ. Не точно такъ ли проникали Норманны рѣками и въ другія земли, куда манила ихъ корысть, напр. во Францію и Испанію? — Если Рюрикъ первоначально поселился въ Ладогѣ, при устьѣ Волхова, то во всякомъ случаѣ пребываніе его тамъ было только кратковременное, потому что послѣ смерти братьевъ мы его находимъ уже въ Новгородѣ. Братья же его также, по всей вѣроятности, заняли свои области воднымъ путемъ: Синеусъ отправился изъ Ладоги Ладожскимъ озеромъ, Свирью, Онежскимъ озеромъ, Вытегрою, волокомъ, Ковжею и Бѣлымъ озеромъ въ Белозерскъ, а Труворъ Волховомъ, Ильменскимъ озеромъ, Шелонью, потомъ волокомъ къ притокамъ Великой и наконецъ въ Изборскъ къ Кривичамъ. Но мы уже при Рюрикѣ

\*) Ист. Россіи, С. Соловьева, ч. I. стр. 5.

находимъ великокняжескихъ намѣстниковъ въ Полоцкѣ, Ростовѣ и Муромѣ; значить предѣлы юнаго государства уже распространены, потому что объ участіи племень, тамъ жившихъ, въ призваніи князей лѣтопись не говорить. Мирными ли средствами заняты были эти области, или силою оружія, объ этомъ не повѣствуетъ намъ Несторъ ничего; но во всякомъ случаѣ воднымъ путемъ проникли туда Рюриковы дружины. При стремленіи на югъ, замѣчаемомъ уже при Рюрикѣ, онѣ естественно пошли изъ Новгорода и Ильменскаго озера вверхъ по Ловати, какъ пути, Норманнамъ издавна извѣстному; потомъ, продолжая походъ сухимъ путемъ къ Диѣпру, прежде должны были встрѣтить Западную Двину и, поплывъ внизъ по ней, прибыть къ Полочанамъ, или Полоцкимъ Кривичамъ, въ Полоцкѣ. Впрочемъ, можетъ быть, что и рѣка Великая понесла вверхъ по своимъ волнамъ дружины изъ Изборска, которыя, отправляясь потомъ на югъ, должны были встрѣтить Западную Двину и Полоцкѣ. Съ другой стороны, какъ господство Норманновъ уже въ самомъ началѣ было утверждено на Бѣлѣозерѣ, то Шексна должна была манить дружины и здѣсь на югъ, къ Волгѣ, а ближайшіе ея южные притоки еще далѣе на югъ: Которость (Которосль, по Геогр. Павловскаго) въ Ростовѣ къ Мерѣ, Ока въ Муромѣ къ Муромѣ. Здѣсь на первый случай и остановилось юговосточное движеніе Норманновъ; имъ предстоялъ другой, въ то время болѣе важный подвигъ: движеніе изъ Новгорода прямо на югъ. Но прежде, чѣмъ станемъ говорить объ этомъ южномъ движеніи, замѣтимъ, что господство Норманновъ, при болѣе чѣмъ вѣроятной малочисленности ихъ дружинъ, сначала, безъ сомнѣнія, ограничивалось только теченіемъ рѣкъ; но другое обстоятельство мало по малу содѣйствовало имъ при распространеніи своей власти во внутренность страны, далѣе отъ рѣкъ. Рѣки служили не только путемъ княжескимъ дружинамъ; по нимъ были построены первые Славянскіе и Финскіе города и по нимъ векоръ стали появляться и новые, для сосредоточенія народонаселенія и постепеннаго приученія его къ новой власти князей. По нѣкоторымъ спискамъ Несторовой лѣтописи уже Рюрикъ возлагалъ на своихъ намѣстниковъ обязанность *рубить*, т. е. строить города. — И такъ мы видимъ, что уже при первомъ великомъ князѣ три важнѣйшія

рѣчныя системы Россіи, Новгородская озерная, Западно-двинская и Волжская, вошли въ составъ государства; но ни одна изъ нихъ не вошла вполнѣ. Восточные Славяне, въ своемъ медленномъ движеніи съ береговъ Дуная на сѣверъ и сѣверовостокъ, въ IX столѣтіи еще нигдѣ не проникли до Балтійскаго моря, ни по Нѣману (Литва), ни по Западной Двинѣ (Ливъ), ни по Невѣ (Ижора), хотя на этомъ послѣднемъ пути уже владѣли устьемъ Волхова; отдаленный сѣверъ и востокъ равнины былъ еще занятъ племенами Финскими, юговостокъ и югъ Турецкими. Норманскіе князья, въ свою очередь, пришли съ свойственнымъ имъ стремленіемъ на югъ, а пока они заняты были югомъ и на югѣ, другіе народы успѣли утвердиться при устьяхъ главныхъ рѣкъ: Литовцы на Нѣманѣ, Нѣмцы въ низовьяхъ Западной Двины, Шведы при устьяхъ Невы. Таковую же судьбу имѣли и рѣки юговосточнаго склона равнины: Печенѣги, Половцы сѣли въ низовьяхъ Днѣпра, Дона и Волги; наконецъ за ними Монголы и Татары облегли всю нижнюю Волгу и большую часть средней и распространились на югъ до Дуная. Русь, истерзанная и раздробленная удѣльною системою и угнетенная Монгольскимъ игомъ, уже не въ силахъ была бороться успѣшно ни съ сосѣдями сѣверозападными, чтобы достигнуть Балтійскаго моря, ни съ ордами Азіятскими, отрѣзавшими ее отъ морей Чернаго и Каспійскаго. Только борьба (если она вообще имѣла мѣсто \*) съ слабыми, немногочисленными племенами Финскими на сѣверѣ и сѣверовостокѣ была ей подъ силу, и потому Новгородъ уже рано является обладателемъ такъ называемаго Заволочья, т. е. земли, лежащей на сѣверъ отъ Уваловъ, образующихъ *волоки* или водораздѣлъ между рѣками, текущими въ Сѣверный океанъ, и сѣверными притоками Волги; Новгородскіе торговцы и промышленники безъ труда перешли эти Увалы и потомъ Онегою, Сухоною, Сѣверною Двиною, Вычегдою легко достигли Бѣлаго и Ледовитаго моря и Уральскаго хребта. Эта страна была добыча конечно скудная въ сравненіи съ приморскими странами и мо-

---

\*) Лѣтописи молчатъ о такой борьбѣ; Новгородскіе торговцы и промышленники заняли Заволочье, безъ сомнѣнія, точно такимъ же образомъ, какимъ въ послѣдствіи Казаки и промышленники заняли восточную Сибирь-

рями, ускользнувшими изъ-подъ рукъ у Славянъ, но все-таки важная, для торговли своимъ богатствомъ пушными звѣрями и удобствомъ торговыхъ сношеній съ племенами сѣверозападной Сибири, а для государства, какъ первый морской путь для связей съ Западомъ. — Кстати упомянемъ здѣсь же, что и Вятская республика (съ городомъ Хлыновымъ) основана была (1174), по образцу Новгородской, промышленниками, съ которыми вскорѣ соединились выходцы изъ Двинской области \*). При этомъ случаѣ рассказываютъ намъ лѣтописцы, какъ совершалась въ древности колонизація странъ или вовсе необитаемыхъ, или малонаселенныхъ.

Но зачѣмъ Норманскіе князья, теряя изъ виду Балтійское море, устремились на югъ? Этотъ вопросъ заставляеть насъ послѣ необходимаго отступленія, возвратиться къ разсматриванію дальнѣйшаго распространенія предѣловъ государства по смерти Рюрика. — Равнинность страны и чудныя рѣки, особенно столь удобныя и Норманнамъ какъ нельзя лучше по собственному опыту, или по крайней мѣрѣ по сказаніямъ соотечественниковъ, извѣстный водный путь манилъ ихъ, жадныхъ къ славнымъ подвигамъ и къ добычѣ, на югъ, ближе къ богатой Греціи. Но въ стремленіи этомъ таилась еще другой смыслъ, смыслъ высокій; ибо не рѣдко страсти и слабости человѣческія должны служить Провидѣнію, по волѣ Котораго совершаются судьбы народовъ и царствъ, орудіемъ для исполненія Его премудрыхъ и прелюбимыхъ предопредѣленій. — Зарожденіе Русскаго государства въ странѣ, рѣшительно тяготящей къ западной Европѣ, указало ему, какъ выше сказано, съ самаго начала его существованія мѣсто въ числѣ государствъ Европейскихъ; но этому государству предназначено было Провидѣніемъ посредничать между Европою и Азіею, стать стражемъ на восточныхъ границахъ Европы, бороться не только съ пришедшими уже изъ Азій дикими ордами, но и съ ордами, которыя она еще въ послѣдствіи должна была высылать на Западъ и которыя все, какъ саранча, жаждали только одного, житья на счетъ народовъ осѣдлыхъ, болѣе ихъ богатыхъ удобствами жизни; нако-

---

\*) См. Ист. Госуд. Росс., Карамзина, изд. 2-ое, СПБ. 1818, т. III, стр. 33—35.

нець одолѣть ихъ и въ свою очередь приобрѣсти часть Европы, издревле сдѣлавшуюся гульбищемъ нечестивыхъ варваровъ, чтобъ, успокоивъ ее навсегда послѣ тысячелѣтнихъ бѣдствій, терзавшихъ ее какъ беззащитную жертву, дать ей возможность принять въ нѣдра свои сѣмя просвѣщенія. И вотъ для этой-то борьбы государство, на время, должно было сосредоточить главныя свои силы ближе къ самому ея театру, на сѣверномъ краю степей, какъ главнаго притона враговъ; и тогда Кіевъ сталъ матерью городовъ Русскихъ. Но это перенесеніе столицы на югъ, ближе къ Греціи, имѣеть еще значеніе, столь же важное, какъ то, на которое мы только-что указали. Разныя племена, платившія дань Русскимъ князьямъ, еще не срослись въ одно цѣлое; связь между князьями и племенами, привыкшими жить отдѣльно, розно, была слишкомъ слабая и ненадежная, потому что связывало ихъ другъ съ другомъ одно право сильного. Но сильнѣйшая и прочнѣйшая связь между государемъ и народомъ есть любовь, плодъ ученія Евангельскаго; оно одно могло связать узами неразрывными князей съ подданными, Русскую землю съ Европою. Но и въ дѣлѣ Вѣры проявляется посредничающій характеръ Россіи: она сблизилась съ Византією и отъ нея получила св. Вѣру; а Византія также служила звеномъ между Европою и Азією, однако дряхлѣя отъ изнѣженности и порчи правовъ и чувствуя свое безсиліе для совершенія труднаго подвига, на который она, по видимому, была призвана, — изливать свѣтъ Вѣры и знанія на Азію, — она вмѣстѣ съ св. Вѣрою какъ бы завѣщала юному мощному Русскому государству и свою историческую роль. Въ послѣдствіи подтвердила Византія это завѣщаніе, такъ сказать символически, доставленіемъ знаковъ царскаго достоинства Владиміру Мономаху, родоначальнику вел. князей и царей Московскихъ, и передачею, при Іоаннѣ III, Россіи, вмѣстѣ съ гербомъ своимъ, и послѣдней отрасли Греческаго императорскаго дома. — Такъ водворился въ Россіи, при Владимірѣ Равноапостольномъ, элементъ Византійскій, составляющій одну изъ отличительныхъ чертъ древней Руси; не въ далекомъ отъ Царяграда Новгородѣ, а только въ близкомъ къ нему Кіевѣ могло совершиться сіе событіе, столь многозначачее въ развитіи ея духовной жизни. Впрочемъ и это исторически необхо-

димое перенесеніе престола съ сѣвера на югъ совершилось путемъ, указаннымъ самою страною, т. е. Днѣпромъ (Смоленскъ, Любечъ).

Далѣе государство распространялось такими же естественными путями, т. е. рѣками, изливающимися въ Днѣпръ, и ихъ притоками: Десною (Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ), Припетью (Туровъ), Сеймомъ (Путивль, Курскъ); южные же притоки Припети (Волынь) и область верхняго Днѣстра (Галичъ) такъ близко сходятся, что и сія послѣдняя должна была войти въ тѣсную связь съ Днѣпровскою Русью. — На сѣверъ отъ Припети, близъ истоковъ Свислочи, притока Березины, образовался Минскъ, по всей вѣроятности колонія Полоцка, почему и принадлежалъ къ Западно-двинской системѣ княжествъ. — Самымъ южнымъ Русскимъ княжествомъ было Переяславское, простиравшееся на югъ приблизительно до устья Росса (Роси), потому что тутъ начинаются степи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова и съ ними кочевница Азіятскихъ ордъ, которыя, вмѣстѣ съ враждебною для осѣдлости природою страны, надолго остановили движеніе государства на югъ. — Правда, Несторъ говоритъ еще, что при Игорѣ были покорены Свѣнелдомъ также Славяне Понтіійскіе, именно Угличи; но уже самое упорство ихъ сопротивленія и ихъ переселеніе далѣе на Западъ довольно ясно указываетъ, что власть Кіевскихъ князей не могла пустить у нихъ глубокихъ корней; и дѣйствительно, послѣ о нихъ уже ничего не слышно; земля ихъ сдѣлалась добычею Печенѣговъ, а они сами, какъ можно полагать, были частію истреблены въ сѣчахъ, частію покорены, частію переселились далѣе на западъ.

Съ утвержденіемъ престола въ Кіевѣ начинаются (при Игорѣ) столкновенія государства съ кочевниками; но только послѣ смерти Ярослава Мудраго загорается роковая борьба о бытіи и небытіи, кончившаяся совершенно не прежде, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Если внимательнѣе вникнемъ въ ходъ этой борьбы, то легко замѣтимъ въ ней три болѣе или менѣе различныя между собою эпохи: съ начала борьбы до 1238 года нѣтъ рѣшительнаго, постояннаго перевѣса ни на той, ни на другой сторонѣ, то одолеваетъ одна, то другая; междоусобія князей въ періодъ удѣльный ослабляютъ государство, мѣшаютъ князьямъ дѣйствовать единодушно и соединенными силами противъ вра-

говъ вѣшнихъ; — съ 1238 до 1380 года рѣшительный перевѣсъ на сторонѣ Азіятцевъ, потому что ослабленіе государства, въ слѣдствіе раздробленія его на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ, еще болѣе усилилось; можно было думать, что Россія, подобно Византіи, не исполнитъ своей исторической задачи; — но къ счастью удѣльная система еще во время начала ослабѣвать, Московское великое княжество стало усиливаться, въ Ордѣ возникли внутреннія смуты; и вотъ со времени Дмитрія Донскаго перевѣсъ въ борьбѣ начинаетъ клониться на сторону Европы, въ лицѣ Россіи, а съ 1480 года дѣлается рѣшительнымъ, и государственная область начинаетъ распространяться на счетъ Азіятскихъ ордъ. Но говоря о борьбѣ съ Азіятцами, мы не можемъ не упомянуть предварительно и о другой борьбѣ, возникшей уже въ то время, когда государство относительно Азіи начало дѣйствовать наступательно; это борьба съ Казаками, хотя не всегда открытая; но мнимая, притворная дружба ихъ стоила государству не менѣе ихъ явной вражды. Государство, еще не достигнувшее своихъ естественныхъ южныхъ предѣловъ, т. е. Чернаго моря, граничило на югѣ не съ другимъ государствомъ, но съ стенами, отдѣлявшими его отъ главнаго притока хищной Крымской орды. Въ этихъ-то стенахъ и украиннахъ завелись Казаки, сбродъ всѣхъ возможныхъ соседственныхъ націй, все искатели приключеній и буйной воли или отверженцы общества. Они образовали полукочевыя воинственные дружины, жаждавшія добычи или пылавшія мстью къ обществу, ихъ отвергнувшему (см. ниже). Въ смутное время Самозванцевъ достигаетъ эта борьба полного разгара. Но и съ Казаками управилось наконецъ государство и превратило ихъ въ вѣрныхъ сыновъ отечества. Подробнѣе объ этомъ предметѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Сказавъ самое необходимое о той странѣ, гдѣ началась борьба съ Азіею, мы должны теперь перейти къ той, которой суждено было рѣшить ее. — Еще въ теченіе первой эпохи борьбы съ Азіятцами сѣверо-восточная часть Ярославовой Руси, т. е. область Волги до впаденія въ нее Оки, обитаемая, за исключеніемъ ея истоковъ, племенами Финскими, получила высокое историческое значеніе; впрочемъ уже самое ея положеніе на Волгѣ, какъ царицѣ рѣкъ Сарматской

равнины, предвѣщало ей такое значеніе. Величаво течетъ Волга посреди бѣльшей, юговосточной части равнины, касаясь своими истоками меньшей, т. е. сѣверо-запада, (служившаго проводникомъ въ древнюю Русь Германоскандинавскаго элемента, въ нынѣшнюю Россію Европейскаго образованія), а мощными своими притоками предѣловъ всѣхъ прочихъ рѣчныхъ системъ равнины, которыя, какъ не столь могущественныя, необходимо должны были примкнуть къ ней, покориться природной своей царицѣ, — высказывая притомъ всѣмъ своимъ теченіемъ и устьемъ какъ нельзя яснѣе значеніе и задачу Русскаго государства въ Исторіи человѣчества. Если государство, какъ выше было изложено, могло зачатъ только на пути «изъ Варягъ въ Греки», то теперь изъ предъидущаго будетъ ясно, зачѣмъ, не смотря на то, ни Новгородъ, ни Кіевъ не могъ быть надолго центромъ государства, тѣмъ менѣе могъ сдѣлаться имъ навсегда. Новгородъ, послѣ исполненія имъ своей задачи призваніемъ въ землю Славянъ воинственныхъ сыновъ Сѣвера, скоро былъ оставленъ князьями и по своему положенію и своей торговой дѣятельности сталъ порываться къ особой жизни. Кіевъ, не смотря на то, что лежитъ въ самой благословенной странѣ, бывшей главнымъ театромъ Исторіи древней Руси, по близости степей не могъ пріобрѣсти постояннаго, всегдашняго значенія; по исполненіи имъ своей задачи, водворенія въ Русской землѣ Христіанства и Византійскаго элемента, онъ былъ, такъ сказать, только главнымъ пограничнымъ становищемъ князей, вступившихъ въ борьбу съ кочевниками; а эта борьба и раздробленіе Руси по праву удѣльному совершенно уронили его значеніе. Хотя природа указала всей равнинѣ войти въ составъ одного государства, но древнія понятія объ особой жизни племенъ и родовъ, поддерживаемыя еще въ до-бавокъ обычаями Норманскими, были причиною временнаго разъединенія уже слившихся въ одно цѣлое частей. Не Новгороду на сѣверо-западѣ, и не Кіеву на югозападѣ равнины еуждено было снова собрать распавшееся и сосредоточить около себя всю остальную ея часть, еще не успѣвшую тогда войти въ составъ государства; исполнивъ свои роли, они необходимо должны были потерять свое первоначальное значеніе. Полное и окончательное собраніе всѣхъ частей

равнины въ одно неразрывное цѣлое возможно было только изъ срединны ея; а эта «среда земли Русской», бнющея ея сердце — это область Волги: только въ ней могъ образоваться истинный центръ государства для всѣхъ его частей, предназначенныхъ ему въ удѣлъ самую природою; она одна имѣетъ всю притягательную силу, которая была необходима, чтобъ сплотить въ одну державу всю Сарматскую равнину. Области Новгородская озерная и Кіеводнѣпровская, исполнивъ свою предварительную, но тѣмъ не менѣе необходимую роль, уступили дальнѣйшее развитіе государственной жизни царственной Волгѣ, чтобы со временемъ и имъ самимъ примкнуть къ ея области.

Укажемъ теперь на главнѣйшіе моменты первоначальнаго историческаго развитія Волжской области. Намъ извѣстно, что уже со временъ Рюрика зависѣла она, отъ истоковъ своихъ до впаденія въ нее Оки, сперва отъ Новгородскихъ, потомъ отъ Кіевскихъ великихъ князей. Кромѣ Ростова и Муромъ являются тамъ скоро и другіе города; такъ напримѣръ Суздаль на Нерли, притокѣ Клязьмы, на юговостокѣ отъ Ростова, и Ярославль на Волгѣ, при устьѣ Которости, построенный Ярославомъ Мудрымъ. Когда, по смерти сего князя, Русь раздробилась на удѣлы, то вмѣстѣ съ Переяславлемъ на Днѣпрѣ и Волжская область, съ городами Ростовомъ, Суздалемъ, Ярославлемъ и Бѣлозерскомъ, досталась его сыну, Всеволоду, который, въ свою очередь, передалъ ее своему сыну Владиміру Мономаху, за которымъ она въ послѣдствіи, съ общаго согласія князей, была утверждена на съѣздѣ ихъ въ Любечѣ (1097). За родомъ его осталась она навсегда, и этому роду было суждено создать Московское государство и Русское царство. Владиміръ Мономахъ, какъ полагаютъ, построилъ Владиміръ на Клязьмѣ. Младшій сынъ его, Юрій Долгорукій, первый изъ князей долго оставался на Финскомъ сѣверѣ; но жилъ онъ уже не въ Ростовѣ, а далѣе на югъ, въ Суздаль. Вся его жизнь состояла изъ одного стремленія къ югу, къ Кіевскому великокняжескому престолу, и этому стремленію принесть онъ въ жертву даже спокойствіе и благоденствіе отечества, такъ что его непрерывныя войны окончательно ослабили и наконецъ погубили Кіевское великое княжество; онъ довершилъ то, чего не успѣло сдѣлать невыгодное положеніе этого кня-

жества на границѣ со степями и хищными кочевниками. Но еще въ другомъ отношеніи замѣчаемъ. мы въ Юріи стремленіе на югъ: какъ построеніе Суздаля и Владиміра Залѣскаго указываетъ на стремленіе князей по рѣкамъ на юговостокъ, такъ города, имъ построенные, указываютъ прямо на югозападъ, на Кіевъ; эти города — Переяславль Залѣскій и Москва. Касательно этого послѣдняго города въ высшей степени замѣчательно, во первыхъ, что явился онъ, приблизительно, на тогдашнемъ рубежѣ сѣвернаго — Финскаго и южнаго — Славянскаго народонаселенія; во вторыхъ, что лежитъ онъ на Москвѣ рѣкѣ, которая, протекая на юговостокъ, между Волгою, верховьемъ Днѣпра и Окою, изливается въ сію послѣднюю именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, достигнувъ самага сѣвернаго изгиба своего верхняго и средняго теченія, указывающаго съ одной стороны прямо на югозападный Кіевъ, а съ другой на сѣверовосточный Владиміръ на Клязьмѣ, оставляетъ свое первоначальное направленіе и рѣшительно поворачиваетъ на юговостокъ и не прежде, какъ протекши не малое пространство въ этомъ направленіи и значительно приблизившись къ Востоку, опять принимаетъ сѣверовосточное теченіе, съ характеромъ рѣки почти пограничной. Очевидно, что Ока составляла естественную связь между тогдашнею югозападною и сѣверовосточною Русью; но не вся она имѣла этотъ характеръ, а только верхняя и средняя ея часть, и именно до впаденія въ нее Москвы рѣки; все остальное ея теченіе принадлежало областямъ, носившимъ характеръ болѣе или менѣе пограничный; ясно, что естественнымъ продолженіемъ соединительной водной нити между югозападомъ и сѣверовостокомъ должна была служить Москва рѣка, а дальнѣйшее наше изслѣдованіе еще болѣе подтвердитъ это. Въ третьихъ, не забудемъ, что городъ Москва лежитъ именно въ томъ мѣстѣ на Москвѣ рѣкѣ, гдѣ сія послѣдняя наиболѣе приближается къ Клязьмѣ, на которой лежитъ Владиміръ, такъ что прямѣйшимъ воднымъ путемъ изъ Владиміра на югъ мы должны признать путь вверхъ по Клязьмѣ до того мѣста, гдѣ наиболѣе приближается къ ней Москва, и оттуда волокомъ въ сію послѣднюю, которая уже рѣшительно указываетъ на югъ. Хотя уже при первомъ своемъ появленіи въ Исторіи (1147) Москва, какъ говоритъ г. Соловьевъ, служила мѣстомъ свиданія юга

съ сѣверомъ, т. е. Святослава Сѣверскаго съ Юріемъ Долгорукимъ Суздальскимъ, и въ этомъ событіи, какъ бы въ символъ, отразилось будущее ея назначеніе; но тогда еще не настало ей время вступить въ полныя свои права. — Извѣстно, что по смерти Ю. Долгорукаго Кіевъ потерялъ послѣднюю тѣнь своего значенія и удѣльные князья сдѣлались, каждый въ своемъ удѣлѣ, совершенно независимыми. Для сына Юріева, Андрея Боголюбскаго, южная Русь уже давно потеряла всю привлекательность, и, оставивъ еще при жизни отца Переяславль на Днѣпрѣ, занимаемый обыкновенно тѣмъ изъ князей, кому послѣ смерти великаго князя слѣдовало вступить на упрядненый Кіевскій престолъ, онъ навсегда распростился съ югомъ. Съ того времени начала усиливаться сѣверовосточная Русь, гдѣ удѣльная система еще не успѣла такъ развиться, какъ на югозападѣ; Суздаль пересталъ быть мѣстомъ пребыванія князя и столицею ея сдѣлался Владиміръ, лежащій далѣе на юговостокъ на Клязьмѣ, а послѣ взятія приступомъ Кіева одиннадцатью союзными князьями (въ 1169 году) и утвержденія Андреемъ своего вліянія на В. Новгородъ, Владиміръ сдѣлался первопрестольнымъ городомъ всей Восточной Руси, какъ столица могущественнѣйшаго изъ князей. Но Вл. могъ быть центромъ государства только до тѣхъ поръ, пока вся его дѣятельность ограничивалась усиленіемъ именно той части Руси, которая должна была сдѣлаться ядромъ государства, долженствовавшего обнять всю огромную равнину; другими словами: Владиміръ могъ быть центромъ только Владимірскаго великаго княжества: роль его, слѣдовательно, была только временная. Лежитъ онъ на Клязьмѣ, протекающей хотя посреди самой области, но указывающей прямо на востокъ и изливающейся въ Оку тамъ, гдѣ сія рѣка рѣшительно стремится къ востоку. Изъ этого понятно, зачѣмъ Владимірскіе великіе князья послѣ Андрея Боголюбскаго совсѣмъ потеряли изъ виду Кіевъ и югъ и упорнѣе прежняго начали вести борьбу съ Востокомъ, желая распространить свои владѣнія на счетъ Мордвы и Болгаръ. Юрій II Всеволодовичъ основалъ Нижній Новгородъ, который надолго остался самымъ восточнымъ пограничнымъ владѣніемъ древней Руси, потому что ишествіе Монголовъ положило предѣлы этому движенію ея на востокъ. Впрочемъ во время

Монгольского ига, когда сношенія съ Востокомъ сдѣлались необходимою, Владиміръ какъ нельзя лучше исполнялъ роль первопрестольнаго города, имѣя непосредственное водное сообщеніе съ Золотою Ордою и Сараемъ. Изъ сказаннаго ясно, что Владиміръ по своему положенію хотя могъ сосредоточить около себя ядро будущаго государства и расширить его на востокъ, но не могъ привязать къ себѣ всѣхъ его частей, а менѣе всего югъ, котораго онъ по этому своему положенію рѣшительно чуждался. Видно, съ одной стороны, что не онъ былъ искомымъ центромъ Русской земли, потому что тяготѣлъ слишкомъ къ востоку, а по той же причинѣ не могъ имъ быть и никакой другой городъ на нижней Окѣ; съ другой стороны тоже ясно, что этому центру должно было находиться гдѣ-нибудь далѣе къ югозападу, но въ такомъ мѣстѣ, чтобъ, сближаясь съ западомъ и югомъ равнины, онъ не терялъ изъ виду ни сѣвера, ни востока; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ лежать только въ области, уже окрѣпнувшей. Но и верхняя Ока, до впаденія въ нее Москвы рѣки, тоже была неудобна для этой цѣли, потому что, не говоря уже о ея неопредѣленномъ, неразвитомъ характерѣ въ историческомъ отношеніи, она протекаетъ уже слишкомъ далеко на югѣ, и притягательная ея сила относительно сѣвера и сѣверозапада была бы слишкомъ незначительна. Но все-таки верхняя Ока имѣетъ важное историческое значеніе, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ прочія главныя рѣчныя системы равнины, представляющія собою какой-либо особенный фазъ развитія государственной жизни; ея характеръ просто посредничающій: по ней шло движеніе южной Руси на сѣверовостокъ, навстрѣчу другому движенію съ сѣверовостока на югозападъ. Скоро Черниговскіе князья перешли въ ея область и владѣли не только ея верховьемъ, но и дальнѣйшимъ теченіемъ, т. е. княжествами Рязанскимъ и Муромскимъ, которыя, послѣ изгнанія Ярослава Святославича изъ Чернигова Всеволодомъ Ольговичемъ (1127), совершенно отдѣлились отъ Чернигова. Князья Рязанскіе и Муромскіе, какъ отрасль изгнанная изъ Чернигова, питали непримиримую родовую вражду къ князьямъ Черниговскимъ. Но такъ какъ въ то же время открылись враждебныя отношенія между ними и князьями Суздальскими, т. е. Мономаховичами, то они не могли вознести своей области

на степень большой исторической значительности, тѣмъ болѣе, что съ востока и юга были окружены степными племенами, имъ чуждыми и непріязненными, которыхъ они, будучи сверхъ того еще ослаблены междоусобіями, не въ состояніи были одолѣть. Вотъ причины, по которымъ Владиміръ, когда кончилась его роль, не могъ быть замѣненъ ни однимъ изъ городовъ, лежащихъ на самой Окѣ. На истинный искомый пунктъ, гдѣ должны были сойтись сѣверная Русь и южная, мы указали уже выше, говоря о Москвѣ, городѣ, лежащемъ если не на самомъ тогдашнемъ рубежѣ Славянскаго и Финскаго народонаселенія, то по крайней мѣрѣ въ сосѣдствѣ его, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ незначительный междурѣчный волокъ отдѣляетъ Клязьму, стремящуюся на сѣверовостокъ, отъ Москвы рѣки, указывающей вмѣстѣ съ верхнею Окою на югозападъ. Только въ Москву, какъ ближайшій югозападный городъ на водномъ пути съ сѣверовостока на югозападъ, могъ и долженъ былъ перейти изъ Владиміра центръ государства; только ея положеніе соединяло въ себѣ всѣ тѣ условія, которыя при тогдашнихъ обстоятельствахъ необходимы были для столицы, которая могла бы притянуть къ себѣ всѣ части огромной равнины и сплотить ихъ въ одно нераздѣльное государство. Счастлирое географическое положеніе Московской области не мало содѣйствовало къ тому, что она сдѣлалась «средю Русской земли»; о нѣкоторыхъ изъ этихъ выгодныхъ природныхъ условій ея положенія было сказано уже тамъ, гдѣ мы говорили объ основаніи города Москвы. Вспомнимъ здѣсь еще о томъ, что она лежитъ въ центрѣ огромной равнины и вмѣстѣ съ тѣмъ въ юговосточной ея части, т. е. главной, не только по своей величинѣ и крѣпкимъ основамъ государственной жизни, но и по тогдашней политической дѣятельности государства. Сверхъ того мы замѣчаемъ такую центральность положенія Московской области еще въ томъ, что первоначальное Московское княжество лежало въ кругу прочихъ сѣверовосточныхъ княжествъ, а это обстоятельство въ высшей степени важно для уразумѣнія быстраго его возвышенія. Московское княжество, будучи равно отдалено отъ опаснаго сосѣдства Литовскаго и Татарскаго, нигдѣ не соприкасалось своими границами непосредственно съ враждебнымъ міромъ Литовскимъ и Татарскимъ, потому именно имѣло

для своего внутренняго развитія и въ этомъ отношеніи явное преимущество предъ Владиміромъ и Рязанью, слишкомъ близкими къ восточнымъ врагамъ, и предъ Тверью, тоже домогавшеюся чести стать главою Руси, но не могшею даже одной себя спасти отъ вліянія вел. князей Литовскихъ, не говоря уже о томъ, что ея положеніе слишкомъ отдаляло ее отъ предстоявшей тогда государству борьбы съ Азіятцами \*) и отчуждало ее отъ южной Руси. Сверхъ того средоточное положеніе Московскаго княжества было важно и въ томъ отношеніи, что окруженная со всѣхъ сторонъ другими княжествами, она въ распряхъ князей между собою давала перевѣсъ тому, сторону котораго принимала, а потому князья наперерывъ искали союза съ нею и тѣмъ возвышали ея значеніе и силу. Іоаннъ Калита какъ нельзя лучше умѣлъ извлекать пользу какъ изъ этого обстоятельства, такъ и изъ всѣхъ прочихъ условій положенія Московской области. Наконецъ вспомнимъ, что и самый климатъ и свойства почвы дѣлаютъ Московскую область въ нѣкоторомъ смыслѣ «средною Русской землей». Климатъ въ этой области умѣренный, плодородіе почвы посредственное; но такія условія природы поддерживаютъ дѣятельность и энергію человека, необходимыя для образованія гражданскихъ обществъ, вознаграждая его за труды не слишкомъ скудно, но и не слишкомъ щедро; первое охлаждаетъ къ труду, второе ведетъ къ изнѣженности. Впрочемъ нельзя не замѣтить разницы между страной, лежащею на сѣверъ отъ Москвы, и страной на югъ отъ нея: первая менѣе плодородна, нежели послѣдняя. Но эта разница именно послужила связью между обѣими странами: въ первой издревле развилась и преобладала, какъ преобладаетъ и нынѣ, народная промышленность разнаго рода, въ послѣдней господствовало и господствуетъ земледѣліе; каждая изъ нихъ пополняетъ свой недостатокъ избыткомъ другой. Въ слѣдствіе этого уже рано стала процвѣтать торговля въ Московской области и Москва сдѣлалась центромъ этой торговой дѣятельности.

---

\*) Сказанное о Твери еще въ большей мѣрѣ относится ко всякому другому городу, лежащему далѣе на западъ, въ Волжской или Днѣпровской области, напр. къ Смоленску и Торонцу, игравшимъ въ древности значительную роль въ Русской Исторіи.

Показавъ, зачѣмъ Москва должна была сдѣлаться центромъ, около котораго только могла сосредоточиться вся Сарматская равнина, мы теперь должны взглянуть на постепенное развитіе Московскаго княжества, чтобы послѣ того рассмотретьъ, какъ исполнила Москва свое назначеніе, сдѣлавшись первопрестольнымъ градомъ Восточной Руси. — Извѣстно, что Москва сдѣлалась особеннымъ княжествомъ со времени Александра Невскаго, который далъ ее въ удѣлъ своему младшему сыну Даниилу. Даниилъ хотя и увеличилъ свой маленькій удѣлъ Переяславлемъ Залѣскимъ, полученнымъ имъ по духовному завѣщанію отъ племянника своего, Іоанна Дмитріевича; но прекращеніе неудобствъ, проистекавшихъ изъ того, что верховье и устье Москвы рѣки находились въ чужихъ рукахъ, онъ долженъ былъ предоставить сыну своему, Георгію. Этотъ князь обладаніе всѣмъ ея теченіемъ справедливо почиталъ необходимымъ условіемъ для существованія Московскаго княжества и успокоился не прежде, какъ присоединивъ къ нему Можайскъ (верховье) и Коломну (устье) и тогда владѣлъ, по всей вѣроятности, всѣмъ ея теченіемъ. Такъ мы видимъ, что и Московское удѣльное княжество, ядро Московскаго государства, образовалось по тому же закону естественнаго расширенія границъ по теченію рѣкъ. Когда со вступленіемъ на престолъ Московскій Іоанна Даниловича Калиты Москва перестаетъ быть престольнымъ градомъ удѣльнаго князя и, какъ найденный центръ государства, дѣлается столицею великаго князя всея Руси, тогда удѣльныя княжества уже быстро, одно за другимъ, начинаютъ примыкать къ ней: ея естественная притягательная сила сверхъ того еще значительно подкрѣпляется новою хитрою политикою Московскихъ великихъ князей. Не за чѣмъ распространяться намъ о подробностяхъ постепеннаго сосредоточенія около Москвы сѣверовосточной Руси: необходимость сего явленія очевидна изъ всего сказаннаго; но будетъ не излишне бросить взглядъ на дальнѣйшее исполненіе Москвою роли, доставшейся ей въ слѣдствіе ея центральнаго положенія.

Въ чемъ вообще состоятъ главныя заслуги Москвы? — Мы знаемъ, что перенесеніе великокняжескаго престола изъ Новгорода въ Кіевъ значительно затруднило великимъ князьямъ управленіе сѣверозападною

Русью, т. е. Новгородомъ, а перенесеніе престола изъ Кіева въ Владиміръ Залѣсскій совершенно отчуждило югозападную Русь отъ сѣверовосточной; но Москва напротивъ того успѣла не только сосредоточить около себя всѣ сѣверовосточныя области, но притянуть и привязать къ себѣ и тѣ страны, зависимость которыхъ отъ великихъ князей была весьма сомнительна (Новгородъ), или которыя еще находились во владѣніи Азіятскохъ ордъ, или которыя, въ слѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, совершенно отдѣлились отъ Восточной Руси (Западная, Литовская Русь). Далѣе намъ извѣстно, что перенесеніе столицы изъ Новгорода въ Кіевъ было сигналомъ къ началу борьбы Руси съ Азією, но борьбы перѣшительной; что перенесеніе столицы изъ Кіева въ Владиміръ, довершивъ раздробленіе государства, дало Азіи возможность восторжествовать надъ Европою въ лицѣ Руси; наконецъ, что съ утвержденіемъ столицы всея Руси въ Москвѣ государство начинаетъ собираться съ силами для сверженія постыднаго ига и что оно не только совершаетъ этотъ давно задуманный и приготовленный подвигъ, но, изгнавъ Азіатцевъ изъ предѣловъ Европейскихъ или подчинивъ ихъ своей власти, возвращаетъ Европѣ страны, принадлежащія ей по справедливости, но цѣлыя тысячелѣтія находившіяся въ рукахъ Азіятцевъ. — Такъ вотъ заслуги Москвы: это — сосредоточеніе всѣхъ частей равнины въ одно сильное государство и въ слѣдствіе того рѣшительная побѣда надъ Азією: Европа ограждена навсегда отъ Азіятскихъ варваровъ, издревле устремлявшихся на нее черезъ Скнію, или Сарматію.

Если обратимся къ разсмотрѣнію вопроса, какъ послѣ сосредоточенія сѣверовосточной Руси около Москвы остальные части равнины мало по малу присоединились къ Московскому государству, то легко убѣдимся, что и тутъ еще природа страны играетъ роль довольно значительную. Начнемъ съ Новгорода. Новгородъ, по причинѣ неплодородности своей области и по близости Балтійскаго моря, съ которымъ соединяется удобнымъ воднымъ путемъ, уже рано предался торговой дѣятельности, которая, при тогдашнихъ благоприятныхъ для торговли обстоятельствахъ, возвела его на высокую степень могущества. Хотя въ политическомъ отношеніи онъ домогался совершенной не-

зависимости отъ великихъ князей Восточной Руси; но сама природа сдѣлала связь съ нею необходимымъ условіемъ для его существованія и его торговой дѣятельности: юговостокъ, или Низовая страна, былъ его *житницею*, откуда онъ снабжался жизненными припасами, а сѣверовостокъ его *сокровищницею*, откуда онъ получалъ свои товары, мягкую рухлядь и пр., для торговли съ Европою. Когда усилилось Московское государство и было въ состояніи пресѣчь сношенія Новгорода съ тѣмъ и другимъ, то ему оставалось на выборъ или навсегда отказаться отъ своего значенія, или присоединиться къ Москвѣ; искусственное соединеніе съ Литвою, отторгнувъ его совершенно отъ востока, его питаваго, не спасло бы его политической свободы, а матеріальное его благосостояніе привело бы въ упадокъ; чувствуя это, Новгородъ тѣмъ охотнѣе покорился Іоанну III, что этою покорностью надѣялся спасти свою торговлю и дѣйствительно сохранилъ часть своего значенія въ этомъ отношеніи до самаго построенія С. Петербурга. вмѣстѣ съ паденіемъ Новгородской республики достался Московскому государству и весь сѣверъ, дотолѣ ей принадлежавшій; а Вятская республика вошла въ составъ Московскаго великаго княжества уже при Василии Темномъ (1459). — Когда Василий Іоанновичъ прекратилъ послѣдніе удѣлы, которымъ его отецъ, по разнымъ причинамъ, еще оставилъ тѣмъ самостоятельности, тогда Іоаннъ Грозный могъ продолжать движеніе Россіи на востокъ, остановленное при Юріи II Всеволодовичѣ нашествіемъ Батые и возобновленное Іоанномъ III сверженіемъ Монгольскаго ига и неоднократными войнами съ Казанью; но не забудемъ, что возможность этого движенія возвѣстилъ уже Дмитрій Донской Куликовскою побѣдою. Хотя Азія воздвигла себѣ въ Казанскомъ царствѣ сильный оплотъ противъ быстро возрастающей Россіи; но окрѣпнувъ и владея всѣмъ теченіемъ Волги отъ ея истоковъ до Казанской земли, Россія тѣмъ яснѣе стала чувствовать всю необходимость имѣть въ своихъ рукахъ эту рѣку до самыхъ ея устьевъ. Построивъ Свияжскъ, при впаденіи Свияги въ Волгу, какъ передовой постъ, Іоаннъ Грозный, имѣя точку опоры, такъ сказать, подъ самыми стѣнами Казани, взялъ не только ее, но вскорѣ овладѣлъ даже всѣмъ нижнимъ теченіемъ рѣки-царицы. Съ паденіемъ Астрахани (1554) главное дѣло

на востокъ равнины было сдѣлано. Такъ важно было пріобрѣтеніе всего теченія Волги, что съ одной стороны земли Кавказскія, почуявъ приближеніе силы, изъявили готовность зависѣть отъ Русскаго царя, а съ другой стороны притоками Волги Россія такъ сблизилась съ Сибирью, что завоеваніе, или лучше сказать, занятіе ея, совершилось какъ бы само собою. Рѣки понесли Ермака Тимофеева и его отважныхъ сподвижниковъ до Уральскихъ волоковъ, а потомъ далѣе въ Сибирское царство; онѣ же служили и въ послѣдствіи, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Казакамъ и промышленникамъ лѣтнимъ путемъ для мирнаго, можно сказать, занятія страны до самаго Восточнаго океана, для обложенія ясакомъ малочисленныхъ Сибирскихъ племенъ и строенія остроговъ и городовъ, такъ точно, какъ служили имъ зимнимъ путемъ необозримыя сибѣрныя равнины. Но не забудемъ, что только обладаніе Уральскими горами и Сибирью дало Россіи возможность навсегда пресѣчь кочевымъ ордамъ путь въ Европу и запереть имъ Уральскія ворота народопереселенія. — Если въ слѣдствіе пріобрѣтенія Волги примкнула къ Москвѣ не только вся равнина до Уральскихъ горъ, но даже Сибирь; то Іоаннъ конечно былъ въ правѣ обратить свои взоры и на югъ и на западъ равнины, какъ страны, столь же необходимыя для округленія и естественной полноты государства, какъ восточныя. Если тяжкая, вѣковая борьба съ Востокомъ кончилась для Россіи со славою, то борьба на югѣ и на западѣ, не менѣе продолжительная и трудная, кончилась тѣмъ блистательнѣе и принесла плоды самые богатые. — На югѣ гнѣздились послѣдніе остатки Азіятцевъ, все еще мечтавшихъ о господствѣ надъ Россіею. Борьба съ Крымскими Татарами была труднѣе борьбы съ Казанью (не говоря уже о незначительной Астрахани,) не только по причинѣ болѣе воинственнаго духа Крымцевъ въ сравненіи съ разбогатѣвшими торговлею и изнѣженными Казанцами, ослабленными въ то же время внутренними раздорами; но особенно по причинѣ различной природы этихъ странъ: Волга образовала естественный путь въ землю Казанцевъ и Астраханцевъ, между тѣмъ какъ Крымскіе Татары были отдѣлены отъ Московскаго государства обширными степями, подверженными зимою страшнымъ выюгамъ, а лѣтомъ засухѣ. Походы чрезъ эти степи могли быть предпри-

нимаемы только весною и осенью, (и то въ сроки самые непродолжительные,) если воеводы не хотѣли подвергать своихъ войскъ неминуемой гибели: зимою гибли люди и животныя отъ холода, а лѣтомъ отъ голода и жажды. Продовольствіе войска на все время похода надобно было возить съ собою, а потому всѣ походы ограничивались обыкновенно опустошеніемъ неприятельской земли, за которымъ слѣдовало быстрое отступление Московскихъ войскъ, часто для нихъ гибельное: ихъ преслѣдовала, иногда далеко въ предѣлы государства, не только неутомимая легкая Татарская конница, немногимъ довольная и сроднившаяся съ природою степей, но терзалъ ихъ врагъ еще болѣе неумолимый — голодь и жажда. Это исторія большей части Крымскихъ походовъ; не было возможности стать твердою ногою въ землѣ неприятельской. Не будемъ напрасно увлекаться мнимымъ счастливымъ началомъ Крымскихъ походовъ при Иоаннѣ Грозномъ; даже еслибъ не отвлекла его отъ Крыма война Ливонская, онъ наврядъ ли покорилъ бы его; это мнѣніе подтверждается безуспѣшностью и другихъ, по видимому, еще болѣе счастливыхъ походовъ, напр. похода 1736 года подъ начальствомъ славнаго Минниха и похода 1737 года, совершеннаго генераломъ Ласси. Борисъ Годуновъ, при своемъ свѣтломъ умѣ, весьма хорошо понималъ, что для государства тогда еще не настало время успѣшной борьбы съ отдаленными хищными Крымцами, дѣйствовавшими подъ покровительствомъ Турціи; по этой-то причинѣ, и не только по желанію сблизиться съ западною Европою, ограничился онъ огражденіемъ южныхъ границъ государства засѣкою отъ ихъ набѣговъ. Крымъ могъ пасть совершенно не иначе, какъ только въ слѣдствіе постепеннаго расширенія границъ сѣвернаго государства на югъ, пресѣченія ему (т. е. Крыму) всѣхъ источниковъ существованія и стѣсненія его со всѣхъ сторонъ, какъ со стороны твердой земли, такъ и со стороны моря; а это осуществилось не прежде, какъ при Екатеринѣ II, въ слѣдствіе Кайнарджійскаго мира въ 1774 году (см. условія этого договора), — и немного лѣтъ спустя, въ 1783 году, присоединился Крымъ къ Россіи. Этимъ событіемъ была рѣшена тоже судьба остальной части Понтійскихъ степей: степь между Бугомъ и Днѣпромъ присоединилась къ Россіи въ слѣдствіе мира 1791 года,

заключеннаго съ Яссахъ, а Бессарабія въ слѣдствіе Бухарестскаго, состоявшагося въ 1812 году. — Но степная природа страны не только сама по себѣ препятствовала быстрому распространенію государства на югъ; подъ ея вліяніемъ дѣлали свои опустошительные набѣги не только хищные кочевники\*), но образовались, какъ было упомянуто уже выше, на южныхъ украиннахъ, т. е. въ странахъ, сопредѣльныхъ какъ государству, такъ и степямъ, между сѣвернымъ осѣдлымъ народонаселеніемъ и южными кочевниками, проникнутыя воинственнымъ духомъ казацкія братства, которыя и по своему образу жизни составляли что-то среднее между гражданами государства и вольными сынами степей; ибо были не совершенно чужды гражданственныхъ узъ, но терпѣли ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ не мѣшали имъ искать добычи войною или грабежемъ; а гдѣ дѣло шло о добычѣ, тамъ не щадили они ни друга, ни недруга. Такимъ-то людямъ служили никому не принадлежавшія украинны самымъ удобнымъ притономъ; а завелись эти удалцы въ нихъ въ то время, когда государство совершенно потеряло изъ виду эти страны, сперва, терзаемое междоусобіями удѣльныхъ князей, а потомъ, изнывая подъ гнетомъ Монгольскаго ига. Царь Іоаннъ IV тщетно ласкалъ себя надеждою подчинить ихъ своей власти: казацкая жажда необузданной воли плохо согласовалась съ самодержавіемъ грознаго царя; еще слишкомъ бурно кипѣла въ крови ихъ дикая природа вольныхъ степей. Желая имѣть, такъ сказать,

---

\*) Исторія представляетъ намъ много примѣровъ, что степная природа какой-либо страны дѣлаетъ ея обитателей кочевниками, которые потомъ дѣлаются хищными наѣздниками, какъ скоро научатся управлять конемъ. Такое наѣзничество развиваетъ въ нихъ духъ воинственности и болѣе или менѣе стремленіе къ буйной волѣ и независимости (Бедуины); конь дѣлается средствомъ для скорого соединенія огромныхъ массъ воиновъ-хищниковъ и совершенія далекихъ набѣговъ, особенно если степь мало даетъ средствъ для пропитанія. Такое явленіе повторяется во всѣхъ степяхъ и пустыняхъ, удобно питающихъ коня, начиная съ сѣверной Африки до Манчжуріи. Такимъ кочевникамъ-наѣзникамъ конь доставляетъ часто также главную пищу и тѣмъ болѣе облегчаетъ имъ наводненіе отдаленныхъ странъ, которыя только мало по малу, образовавъ сильныя государства, могутъ восторжествовать надъ кочевниками-завоевателями (см. Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs, von K. G. v. Baer und G. v. Helmersen, Bd. IX, pag. 260. 261).

фирму, подъ которою можно бы было безпрепятственно предаваться врожденному влеченію къ войнѣ и грабежу, большая ихъ часть примкнула къ Польшѣ, потому что Стефанъ Баторій умѣлъ угодить имъ лучше Іоанна. Но въ смутное время Самозванцевъ довольно потревожили и погромили Русское царство Казаки вмѣстѣ съ Русскими бѣглецами, ушедшими къ нимъ въ украины, когда въ слѣдствіе измѣненія царемъ Борисомъ закона о крестьянскихъ выходахъ, крестьяне мелкихъ помѣщиковъ опять могли оставлять своихъ господъ, а господа въ свою очередь прогонять отъ себя людей, которыхъ въ голодные годы не хотѣли или не могли кормить. Когда явился на границахъ Россіи первый Самозванецъ, тогда степи выслали ему навстрѣчу многочисленныя шайки людей, жаждавшихъ или добычи, или мести, которымъ нуженъ былъ только предприимчивый предводитель съ громкимъ, хоть и ложно присвоеннымъ имъ себѣ именемъ, чтобъ устремиться на Русское царство и поживиться на его счетъ. Не ясно ли изъ этого, что степныя украины съ своими безпокойными обитателями, первыя признавшія Лжедмитрія и долѣе всѣхъ прочихъ странъ державшіяся Самозванцевъ, играютъ не послѣднюю роль въ Исторіи смутнаго времени? Шаткость правъ Бориса на престолъ и нелюбовь къ нему всѣхъ сословій народа приготовили Лжедмитріямъ поприще, а средства къ исполненію дерзкаго замысла дали имъ Польша и — украины и степи въ сынахъ своихъ, Казакахъ. Если Казаки тогда были способны на такіе подвиги въ отношеніи къ единовѣрной имъ Россіи, то очевидно, что далеко еще было время до присоединенія ихъ къ ней. Но уже началась Уніею и для нихъ година испытанія и очищенія, которому они должны были подвергнуться, чтобъ приобрести способность сдѣлаться мирными гражданами. Послѣ столѣтней борьбы съ Польшею за Вѣру и права они убѣдились, что спасеніе могутъ найти только въ присоединеніи къ государству благоустроенному, къ единовѣрной Россіи. Тогда миновался для нихъ періодъ необузданной воли и они поняли, что есть благо выше ея — мирная гражданская жизнь и дѣятельность, подъ защитою законовъ государства благоустроеннаго. Тяжка была борьба государства съ Казаками; но зато, подчинившись ему наконецъ, они сдѣлались вѣрными его сынами и въ высшей степени полезными ему гражд-

данами. Хотя сама природа, по видимому, указала имъ быть стражами государства и водворять осѣдлость и гражданственность въ степяхъ; но долгое время они худо понимали и еще хуже исполняли такое свое назначеніе. Но прошла пора дикой воли, и они сдѣлались тѣмъ, чѣмъ долженствовали быть по положенію земель, ими занимаемыхъ, т. е. стражами государства отъ набѣговъ на него всякаго рода хищниковъ и распространителями осѣдлости и гражданственности между племенами кочевыми. Подробнѣе объ этомъ предметѣ поговоримъ послѣ.

Теперь остается намъ еще сказать нѣсколько словъ о возвращеніи государству странъ, уже въ древности вошедшихъ въ составъ его, но въ послѣдствіи отторгнутыхъ отъ него западными сосѣдями, умѣвшими воспользоваться стеченіемъ разныхъ неблагопріятныхъ для нашего отечества обстоятельствъ. Наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ показать, какъ такое отторженіе западныхъ областей, присоединившихся къ Литвѣ и Польшѣ и къ Швеціи, могло быть лишь временное; что возвращеніе ихъ не есть слѣдствіе только окрѣпнущаго государственнаго организма, но обусловлено въ то же время самою природою отторгнутыхъ странъ. — Западная Русь, распавшись, подобно Восточной, на удѣлы, сдѣлалась добычею Литовскаго великаго княжества, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, добычею Польши. Не пускаясь въ исторію раздробленія этихъ удѣловъ на удѣлы, еще меньшіе, ограничимся обзорѣніемъ ихъ судьбы только въ первоначальномъ ихъ составѣ. Полоцкое княжество, уже рано стремившееся къ особой жизни, почти совсѣмъ отдѣлилось отъ прочей Руси, доставшись дому Изяслава Владиміровича, и вскорѣ потомъ, желая овладѣть верховьемъ Западной Двины, т. е. Торопецкимъ княжествомъ, чтобъ, отрѣзавъ южную Русь отъ сѣверной, присвоить себѣ и Новгородъ, начало вражду съ Ярославичами, владѣвшими этими странами; но борьба, по слабости Полоцка, была тщетная. Съ другой стороны князя Полоцкіе стали распространять свои владѣнія внизъ по Западной Двинѣ; но опять неудача: они были остановлены въ своемъ движеніи къ Балтійскому морю Нѣмцами. Полоцкое княжество, имѣя естественныя границы къ сѣверу въ волкъ между водами З. Двины и водами озеръ Чудскаго и Ильменскаго, а къ югу въ водораздѣлѣ между З.

Двиною и Припетью, осталось неокругленнымъ, какъ бы недоконченнымъ, владѣя только среднимъ теченіемъ З. Двины и не имѣя ни ея устья, ни ея истоковъ. Политическая жизнь его была этимъ обстоятельствомъ стѣснена; но это не мѣшало развиваться въ Полоцкѣ и Витебскѣ дѣятельности торговой. — Какъ Минскъ, по близости двухъ рѣчныхъ системъ, Западнодвинской и Днѣпровской, повсей вѣроятности есть колонія Полоцкая, (ибо объ основаніи его изъ Новгорода или изъ Кіева не упоминается въ лѣтописяхъ), то Владиміръ Св. отдалъ его вмѣстѣ съ Полоцкомъ своему сыну отъ Рогнѣды Рогвольдовны, Изяславу; но какъ Минскъ лежитъ уже въ области Днѣпровской, то и былъ въ послѣдствіи яблокомъ раздора между Полоцкими князьями и Ярославичами. — На верховьѣ Днѣпра и въ сосѣдствѣ истоковъ З. Двины и Волги, слѣдовательно въ мѣстности въ высшей степени замѣчательной, образовалось Смоленское княжество, въ срединѣ между сѣверною и южною Русью, и между княжествами Полоцкимъ и Владимірскимъ. Уже самое его положеніе показываетъ ясно, что ему суждено было играть не послѣднюю роль въ числѣ удѣльныхъ княжествъ. И дѣйствительно, оно связываетъ сѣверъ съ югомъ, не даетъ имъ въ годину раздробленія совершенно отдѣлиться другъ отъ друга; не даетъ князьямъ Полоцкимъ отторгнуть у Ярославичей верховье З. Двины, держа крѣпко Торопецкое княжество, и въ то же время посредничаетъ между всѣми этими странами и Владимірскимъ великимъ княжествомъ. Князья Смоленскіе дѣйствуютъ то на сѣверѣ, въ Новгородѣ, то на югѣ, въ Кіевѣ и Галичѣ, какъ напр. Мстиславъ Храбрый и сынъ его, Мстиславъ Удалой. Таковую же важную роль игралъ въ послѣдствіи Смоленскъ въ спорахъ между Москвою и Литвою (Польшею): каждое изъ обоихъ государствъ непременно хотѣло владѣть имъ, почитая его, по его положенію, необходимымъ оплотомъ для безопасности своихъ предѣловъ и вѣрнымъ ключемъ къ овладѣнію сосѣдственною державою. Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, Смоленскъ уже рано сталъ обнаруживать важную торговую дѣятельность (см. Договорн. грамм. Смоленскаго князя Мстислага Давидовича съ Рнгою, Готландскимъ берегомъ и торговыми городами Германіи, 1228 г.) — Область Припетская (кн. Туровское и Волынское) сначала по необходимости раздѣляла

судьбу Днѣпровской; но скоро, когда Владиміръ Волинскій, лежащій въ области Вислинской, (точнѣе, въ обл. Западнаго Буга), сдѣлался центромъ Волинскаго княжества, князя его устремили все свое вниманіе на западъ, и судьба Волини, на время, соединилась съ судьбою Галицкаго княжества, лежавшаго около истоковъ Вислы, З. Буга и Днѣстра. Но скоро Висла и З. Бугъ надолго привязали Галицію къ Польшѣ. Иная была судьба прочихъ западныхъ княжествъ. — Въ восточной части области Нѣмана, въ сосѣдствѣ областей Западнодвинской, Днѣпровской (Припеть) и Вислинской (З. Бугъ), жили Литовцы съ Жмудью и ихъ южные сосѣди Ятвяги, въ мѣстахъ лѣсистыхъ и болотистыхъ, защищаемые отъ сосѣдей преимущественно природою своей страны, т. е. дремучими лѣсами и непроходимыми болотами. Побуждаемые нуждою и духомъ хищничества, они съ половины XII столѣтія стали безнаказанно нападать на сосѣдственныя страны, зная, что никому не добратся до ихъ притоновъ. Далѣе и далѣе, особенно на западъ и югъ, стали они распространять свои опустошительные набѣги. Хотя Романъ Мстиславовичъ, князь Волинскій, далъ имъ порядочную острастку, („Романе, худымъ живеши, Литвою ореши!“) но при Миндовгѣ возобновились ихъ отважные подвиги еще съ большею дерзостью, пока Александръ Невскій, Романъ Даниловичъ и смерть Миндовга не остановили ихъ надолго. Тогда явился знаменитый Гедиминъ, основатель Литовскаго великаго княжества; какъ онъ, такъ и его предприимчивые преемники умѣли какъ нельзя лучше пользоваться бѣдствіями Руси, ея раздробленіемъ, междоусобіями князей, игомъ Монгольскимъ, и овладѣли не только всѣмъ Заднѣпровьемъ, но простерли свои владѣнія еще далѣе на сѣверовостокъ и востокъ, присвоивъ себѣ области Полоцкую, Смоленскую и Сѣверскую, такъ что Великіе Луки, Вязьма, Калуга, Курскъ сдѣлались пограничными городами Московскаго государства. Но могло ли это приобрѣтеніе Литовскихъ великихъ князей навсегда остаться достояніемъ Литвы или Польши? Не только Вѣра, языкъ и исторія издревле связывали неразрывными узами Русь Западную съ Восточною, такъ что восточное государство, владѣвшее нѣкогда этими землями, не могло забыть ихъ потери и, окрѣпнувъ въ своемъ организмѣ, должно было думать о возвращеніи древняго

своего наслѣдія; но и сама природа этихъ странъ показываетъ, что ихъ соединеніе съ Литвою было только насильственное, искусственное, потому что она рѣшительно тянетъ ихъ къ Москвѣ, какъ естественному центру Сарматской равнины, гдѣ сосредоточиваются главныя ея жизненныя силы и около котораго, по этой причинѣ, должно было образоваться сильнѣйшее государство; только временное ослабленіе Восточной Руси могло дать Литвѣ возможность на время присвоить себѣ то, что по историческому ходу событій и условіямъ природы тяготѣло къ востоку. И въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что рѣки и равниность страны сближаютъ и соединяютъ между собою земли и народы, между тѣмъ какъ только значительныя цѣпи горъ особлять и раздѣляютъ ихъ; но такихъ природныхъ границъ между восточною и западною частью Сарматской равнины именно совсѣмъ не существуетъ; а волоки и водораздѣлы могли раздѣлять первоначально племена, довольствовавшіяся своимъ племеннымъ и родовымъ бытомъ и вообще мало имѣвшія понятія объ общежитіи, но не части уже окрѣпнувшаго государства, чувствующія всю важность и необходимость сношеній съ сосѣдями. Область З. Двины не могла быть навсегда отторгнута отъ восточнаго государства, потому что оно всегда владѣло истоками этой рѣки. Если государство, владѣющее низовьемъ какой-либо рѣки, т. е. (вообще говоря) важнѣйшею ея частью, далеко не имѣетъ того интереса, чтобъ присвоить себѣ и его верховье, (если впрочемъ не требуютъ того особенныя обстоятельства, напр. скудость природы около низовьевъ и богатство ея около верховьевъ и пр.) какой имѣетъ государство, держащее въ своихъ рукахъ одно верховье ея или среднее теченіе, чтобъ овладѣть ея низовьемъ и устьемъ для сближенія съ моремъ и другими народами: то очевидно, что область Западной Двины могла имѣть только ту судьбу, которая совершилась надъ нею въ прошломъ столѣтіи. Вотъ почему среднее теченіе З. Двины, издревле принадлежавшее къ восточному государству, только на время могло перейти во власть Литвы и Польши; а устье, въ древности еще не успѣвшее войти въ составъ его, со временемъ должно было примкнуть къ нему: и когда Петръ Великій овладѣлъ устьемъ З. Двины, то среднее ея теченіе могло выйти изъ такого затруднительнаго положенія, равно невы-

годнаго какъ въ политическомъ, такъ и торговомъ отношеніи, только присоединеніемъ къ тому государству, которое владѣло ея истоками и устьемъ. Тому же закону, по тѣмъ же причинамъ, должна была повиноваться и область Днѣпра, истоки котораго тоже всегда принадлежали восточному государству. Какъ скоро оно почувствовало постепенное окръпленіе силъ своихъ, то объявило уже при Дмитріи Донскомъ притязанія на потерянные свои западныя области; но только Іоаннъ III, „собиратель земли Русской“, успѣлъ возвратитъ ему область главнаго притока Днѣпровскаго съ востока, Десны (страну Сѣверскую), а сынъ его, Василій Іоанновичъ пріобрѣлъ область верхняго Днѣпра (т. е. Смоленскую). Хотя Михаилъ Феодоровичъ, въ слѣдствіе новаго ослабленія государства въ смутное время Самозванцевъ, долженъ былъ отказаться какъ отъ этихъ пріобрѣтеній своихъ предшественниковъ, такъ и отъ городовъ въ Ингрій; но за то сынъ его Алексѣй не только возвратилъ потерянное отцомъ въ Днѣпровской области, но расширилъ тамъ предѣлы государства пріобрѣтеніемъ Малороссіи на восточномъ берегу Днѣпра и Кіева на западномъ; этимъ была рѣшена судьба всей остальной Днѣпровской области, исполнявшаяся, какъ извѣстно, при Екатеринѣ II. Эту судьбу, по сосѣдству, раздѣлила отчасти и область Нѣмана.

Но были еще страны на сѣверозападѣ, по своему положенію принадлежація къ Сарматской равнинѣ, которыя въ древности или вовсе не успѣли войти въ составъ восточнаго государства, или, будучи въ послѣдствіи завоеваны имъ, только на время принадлежали ему и вообще составляли предметъ споровъ между Россією и ея сосѣдями — это земли Прибалтійскія. Мы знаемъ, что Восточные Славяне, нигдѣ не достигнувъ Балтійскаго моря, ни по З. Двинѣ, ни по Наровѣ, ни по Невѣ, устья которыхъ остались во владѣніи народовъ иноплеменныхъ, не успѣли утвердиться въ древности на морскомъ берегу, и что первые Норманскіе князья тотчасъ устремились на югъ, оставивъ Балтійское море, на время, въ покоѣ. Хотя въ послѣдствіи часть этихъ чуждыхъ племенъ платила дань Русскимъ князьямъ; но это господство стали оспаривать у нихъ смѣлые пришельцы изъ-за моря: Нѣмцы на З. Двинѣ, Датчане въ области Чудскаго озера,

Шведы въ области Ладожскаго. Надобно было вступить съ нами въ борьбу за обладаніе Балтійскимъ приморьемъ ; но бѣдствія, постигшія тогда Россію, скоро дали перевѣсъ врагамъ ея : Полоцкіе князья не въ силахъ были дать отпоръ ордену Меченосцевъ, Псковъ допустилъ построеніе Нарвы при устьѣ Наровы ; даже Новгородцы, не смотря на то, что по Орѣховскому миру (1323 г.) владѣнія ихъ простирались до рѣки Сестры, (текущей по границѣ между С. Петербургскою губ. и Финляндіею,) какъ бы убоясь грозныхъ на морѣ Шведовъ, ограничились построеніемъ Орѣшка на островѣ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, почему Шведамъ и не трудно было овладѣть въ послѣдствіи всею Ингріею. По своемъ возрожденіи спохватилось Русское государство, что существованіе его не полно безъ Балтійскаго моря. Потому Іоаннъ III, желая утвердиться на немъ, заложилъ Иваньгородъ. Внукъ его, Іоаннъ IV, протеръ свои виды далѣе — онъ домогался всей Лифляндіи ; но онъ не только не получилъ ея, но долженъ былъ уступить Шведамъ даже ближайшіе къ морю Русскіе города, Иваньгородъ, Ямы и Копорье. Борисъ, одушевленный мыслью Грознаго, искусною политикою старался пріобрѣсти Лифляндію, но опять тщетно ; и хотя онъ уже въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича возвратилъ Россіи города, уступленные царемъ Іоанномъ Швеціи ; но это было только на короткое время, потому что Столбовскимъ договоромъ Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ уступить Швеціи всѣ эти города и сверхъ того Орѣшекъ, словомъ, всю Ингрію. Тогда-то, въ царствованіе Карла XI, появился при устьѣ Невы Ніеншанцъ.

Въ такомъ положеніи находилась государственная область Русскаго царства, еще не успѣвшаго пріобрѣсти ни юга, ни запада равнины \*), когда Провидѣніе послало ему чуднаго преобразователя въ Петрѣ Великомъ. Сосредоточившись около Москвы, оно успѣло

---

\*) Если мы не вездѣ слѣдовали хронологическому порядку событій и говорили напр. о пріобрѣтеніи южной и западной Россіи прежде, чѣмъ о завоеваніи Балтійскихъ земель ; то это наврядъ ли помѣшаетъ ясности главнаго вопроса, (если впрочемъ намъ удалось хоть въ нѣкоторой степени достигнуть ея ;) желалъ избѣгнуть раздробленія предметовъ, сходныхъ между собою, мы позволили себѣ такое отступленіе отъ историческаго порядка.

окрѣпить, и въ слѣдствіе того восторжествовало надъ дикими выходцами изъ Азіи. Этимъ главная роль Москвы была исполнена: она дала государству единство, могущество и побѣду надъ Азіею. Этою побѣдою заплатила Россія свой первый долгъ человечеству, оградивъ навсегда Европу, какъ главную дѣятельницу въ дѣлѣ общечеловѣческаго образованія, отъ Азіятскихъ варваровъ, и возвративъ ей земли, служившія дотолѣ лишь гульбищемъ кочевымъ ордамъ. Но Москва могла служить центромъ государства только до тѣхъ поръ, пока вся его задача состояла съ одной стороны въ сосредоточеніи разрозненныхъ частей и въ усиленіи государственнаго организма, а съ другой стороны въ побѣдѣ надъ Азіею. Потому-то этотъ центръ и находился въ восточной части равнины, какъ главной и ближайшей къ Азіи, главному предмету первой внѣшней дѣятельности Русскаго государства. Хотя Москва, при воцареніи Петра I, далеко еще не успѣла сосредоточить около себя всѣхъ земель, природою назначенныхъ въ удѣлъ Россіи; но сила, данная ею государству, была столь велика, что все, принадлежащее ему по праву природному, уже не могло уклониться отъ него и по необходимости, въ теченіе времени, должно было слиться съ нимъ. Вотъ почему Москва, по видимому еще не исполнивъ своего назначенія, могла передать свою роль другому городу, когда требовалъ того новый фазъ государственнаго развитія. — Правда, Петръ Великій нашелъ государство размѣровъ огромныхъ, съ силами исполнскими; но эти силы были скрыты подъ грубою корою невѣжества и безпечности, и этотъ дивный, мощный организмъ былъ безъ всякой дѣятельности, его достойной. Азія, во время вѣковой борьбы Русскаго народа съ нею, наложила на Россію тяжкую печать своего пагубнаго вліянія. Умственная жизнь, пробужденная въ древней Руси усвоеніемъ ею элементовъ Германоскандинавскаго и Византійскаго, пришла въ совершенный застой; и чѣмъ долѣе продолжалась борьба съ Азіятцами, тѣмъ ощутительнѣе становилось вліяніе Азіи на Россію. Всѣ частныя попытки предшественниковъ Петровыхъ выйти изъ-подъ этого тяжкаго и постыднаго вліянія имѣли мало успѣха; Россія готова была заглохнуть и изнуриться подъ этимъ вліяніемъ, подобно многимъ Восточнымъ царствамъ. Необходима была могучая воля и исполнская сила

Петра, чтобъ вырвать ее изъ-подъ этого гнета. И онъ расторгнулъ постыдныя узы, которыми Азія, какъ бы въ отмщеніе за свое уничтоженіе, опутала Россію; сблизивъ ее съ просвѣщенной Европою, онъ указаль ей настоящее ея мѣсто и назначеніе. —

Намъ скажутъ, что и Западная Европа въ крестовыхъ походахъ боролась съ Азіею и вынесла изъ этой борьбы не варварство и застои умственной жизни, но новые элементы для ея дальнѣйшаго развитія. Но вспомнимъ, что это была борьба добровольная, наступательная, борьба за *идеи* и съ народами странъ благословенныхъ, уже достигшими извѣстной степени умственнаго и гражданскаго развитія, которые слѣдовательно могли сообщить Европейцамъ новыя понятія, достойныя усвоенія. И сколько было, во время крестовыхъ походовъ, перенесено въ Европу плодотворныхъ идей! (Такъ точно и вторженіе Мавровъ въ Испанію во многихъ отношеніяхъ содѣйствовало къ развитію въ ней умственной жизни). Россія напротивъ того должна была вести борьбу оборонительную, вынужденную, такъ сказать, физическою необходимостью, единственно для своей защиты, и вести ее, по положенію своей государственной области, съ народами столь же бѣдными умственною жизнью, какъ бѣдны и безплодны степи, ими обитаемыя. Не было въ этой борьбѣ элементовъ, которые могли бы оплодотворить умъ и воображеніе, но за то было много такихъ, которые совершенно заглушили и погубили начатки того развитія, которымъ ознаменована эпоха, предшествовавшая вторженію въ Русь Монголовъ. Нужно ли говорить о томъ, что эта борьба одна изъ главныхъ причинъ медленнаго въ прежнее время развитія Россіи въ отношеніи умственнымъ?

Геніяльнымъ своимъ умомъ скоро постигъ Петръ Великій, что Россія достигла того развитія, котораго могла достигнуть изъ началъ, образовавшихся въ ней сообразно съ ходомъ ея Исторіи; и замѣтилъ онъ съ ужасомъ, что это развитіе совершенно отчуждило ее отъ Запада и рѣшительно влекло къ Востоку. Но не менѣе ясно понялъ онъ тоже, что не такое могло быть назначеніе государства, въ самомъ началѣ своего существованія принявшаго въ свои нѣдра сѣмена высшаго развитія элементомъ Германоскандинавскимъ и еще болѣе Христіанскою вѣрою, и достигшаго столь гроз-

ныхъ размѣровъ и силъ; но въ то же время онъ не могъ не убѣдиться, что очищеніе отъ ржавчины Азіятскаго вліянія оно могло найтись только въ возрожденіи, усвоеніемъ себѣ тѣхъ началъ, изъ которыхъ развились жизнь народовъ Западной Европы; и то, что онъ сначала чувствовалъ, такъ сказать, только по инстинкту, сдѣлалось въ немъ полнымъ убѣжденіемъ во время перваго его путешествія за границу. Но чтобы вывести Россію изъ ея неестественнаго положенія и посѣять въ ней новыя плодотворныя сѣмена лучшей жизни, необходимо было сближеніе съ Западомъ; а это сближеніе могло быть прочно и приносить вождельныя плоды только въ такомъ случаѣ, если связующимъ звеномъ между нею и Западною Европою служило море; но такого моря именно недоставало Россіи. Правда, Бѣлое моря омывало сѣверные ея берега; но какъ мало оно соотвѣтствовало той цѣли, которую имѣлъ въ виду Петръ, въ томъ какъ нельзя лучше убѣдился онъ не только уроками прежнихъ вѣковъ, но и собственнымъ опытомъ. Еще до своего путешествія за границу онъ попытался было утвердиться на берегахъ Азовскаго и Чернаго моря; но не эти моря могли быть путемъ къ тѣмъ связямъ, которыхъ искалъ преобразователь. Потому, послѣ своего возвращенія изъ-за границы, когда его понятія объ истинныхъ пользахъ и потребностяхъ государства вполнѣ прояснились, онъ устремилъ все свое вниманіе на пріобрѣтеніе странъ Прибалтійскихъ и съ необыкновеннымъ умомъ и неослабною энергіею вполнѣ достигъ предположенной цѣли. Только при такой желѣзной волѣ, какую имѣлъ Великій, могъ онъ основать свою новую столицу въ землѣ, хотя уже отнятой у непріятели, но имъ все-таки еще не уступленной, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ государь, менѣе проицательный и энергическій, никогда не сталъ бы искать новаго центра своему государству; а эта точка именно была искомая, и послѣдствія самымъ блестящимъ образомъ оправдали геніяльную прозорливость и дальновидность великаго царя. Справедливо одинъ остроумный писатель (Сегюръ) называлъ С. Петербургъ, „окномъ, въ которое Россія смотритъ въ Европу.“ С. Петербургъ по своему положенію сдѣлался, такъ сказать, фокусомъ, собирающимъ лучи (свѣтъ) Западноевропейскаго просвѣщенія для постепеннаго распространенія его по всему огром-

ному государству. Сама природа соединяетъ С. Петербургъ водными путями съ сердцемъ Сарматской равнины, т. е. съ областью Волги, и дѣлаетъ это въ такомъ совершенствѣ, какого не представляетъ никакая другая точка на Балтійскомъ морѣ. Чтò не было сдѣлано природою и на чтò она только указала, то довершилъ, построениемъ каналовъ, великій государь, умввшій своимъ вѣрнымъ взглядомъ отыскать именно тѣ мѣста, которыя болѣе всѣхъ прочихъ были удобны для такого дѣла. — И вотъ построениемъ новой столицы объявилъ преобразователь своему народу, что настала новая эпоха въ развитіи его государственной, общественной и умственной жизни; построениемъ этой столицы въ собственно Европейской части Сарматской равнины онъ расторгнулъ узы, непосредственно связывавшія государство съ Азіею и указалъ ему, что жизнь его впредь неразрывно связана съ жизнью народовъ Европейскихъ, съ которыми соединяетъ его новая столица; однимъ словомъ, что настала для него эпоха жизни Европейской. Такое глубокое значеніе имѣетъ перенесеніе столицы Петромъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, изъ подверженной вліянію Азии юговосточной части равнины въ сѣверозападную, непосредственно сближающую государство съ Европою. Безъ этого перенесенія государственнаго центра Россія, даже владѣя странами Прибалтійскими, далеко не вознеслась бы, въ столь короткое время, на ту степень развитія, на которой мы ее находимъ нынѣ, и дѣло Петрово, завоеваніе Прибалтійскихъ земель, только въ половину достигло бы своей цѣли — преобразованія государства и жизни народной. — И такъ центръ новой, или правильнѣе, возобновленной Европейской государственной жизни въ Россіи возвратился опять туда же, гдѣ зачалось самое государство. Если по предстоявшей тогда государству иной дѣятельности оно на долгое время должно было сосредоточиваться въ разныхъ мѣстахъ юговосточной части; то теперь, по исполненіи имъ возложенной на него Міроправителемъ задачи, оно могло возвратиться къ своему первоначальному и истинному назначенію — быть живымъ членомъ въ союзѣ Европейскихъ государствъ. Въмѣстѣ съ этимъ возвращеніемъ государства къ Европейской жизни и центръ его опять долженъ былъ перейти въ часть равнины, носящую печать природы Европейской. — Завоеваніемъ Лифляндіи,

Эстляндіи и Ингерманландіи и перенесеніемъ столицы Русской Имперіи къ устью Невы судьба Финляндіи уже заранѣе была рѣшена. Уже самъ Петръ чувствовалъ необходимость въ огражденіи своей поворожденной столицы съ сѣвера отъ Швеціи; потому однимъ изъ главныхъ условій Ништадскаго мира была уступка Петру Финляндіи до Выборга. Но если этимъ и было обезпечено существованіе С. Петербурга, то далеко еще не было обезопасено свободное развитіе торговой дѣятельности, столь важной для плодотворныхъ сношеній Россіи съ Западомъ. Въ какой мѣрѣ постепенно крѣпнула и развивалась въ Россіи жизнь Европейская съ ея понятіями и потребностями, въ такой же мѣрѣ чувствовало государство болѣе и болѣе необходимость обладанія всею Финляндіею; и Финляндія, простираясь до сѣверовосточнаго берега Балтійскаго моря, т. е. до естественной сѣверозападной границы Сарматской равнины, слѣдовательно и Русскаго государства, такъ же постепенно должна была войти вся въ составъ его, когда оно уже успѣло овладѣть частію земель, прилегающихъ къ этому берегу, его природному предѣлу.

Нынѣ Россія не только достигла своихъ естественныхъ предѣловъ, т. е. морей и горъ, ограничивающихъ Сарматскую равнину, но по видимому даже переступила ихъ, владѣя Сибирью, Закавказьемъ и пр. Но если мы вникнемъ въ ея задачу относительно Востока, то легко поймемъ не только смыслъ, но и необходимость какъ этого явленія, такъ и борьбы на Кавказѣ. Россія подчинила цивилизаціи свои южныя степи, принадлежавшія издревле народамъ кочевымъ; она водворяетъ осѣдность и гражданственность и въ Сибири; она навсегда заперла дорогу новымъ выходцамъ изъ средней Азіи въ Европу; но ея задача въ этомъ послѣднемъ отношеніи не рѣшена вполне, пока еще гнѣзятся въ Кавказскихъ горахъ непримиримые враги всякой цивилизаціи, жадные жить на счетъ мирныхъ обитателей прилегающихъ къ горамъ равнинъ, сѣверной и южной. Очевидно, что уже собственная безопасность заставляеть Россію думать о смиреніи сихъ дикихъ хищниковъ; но борьба съ ними была бы совершенно безуспѣшна, еслибъ нельзя было дѣйствовать на нихъ со всѣхъ сторонъ. Это испытала и Грузія, (которая всерхъ того была тревожима и Персіею и Турціею,)

и потому добровольно покорилась Россіи. И такъ обладаніе Закавказьемъ необходимо, между прочимъ, для борьбы съ Горцами, а существованіе Горцевъ и борьба съ ними обусловлены природою Кавказскихъ горъ; вотъ одна изъ причинъ, почему Закавказье необходимо для Россіи; послѣ мы коснемся еще другой, не менѣе важной причины.

И такъ мы обозрѣли судьбы нашего отечества съ той точки зрѣнія, на которую поставили себя въ самомъ началѣ этого очерка, причемъ коснулись только тѣхъ событій, тоторія по своему существу допускають сближеніе съ природою территоріи государства и носятъ на себѣ болѣе или менѣе явную печагъ ея вліянія\*). Мы видѣли, какъ оно, послѣ тяжелой вѣковой борьбы, успѣло слиться въ одно неразрывное и грозное цѣлое, подчинивъ себѣ всѣ земли, которыя сама природа назначила ему въ удѣлъ; какъ оно, окрѣпнувъ въ своемъ внутреннемъ организмѣ, восторжествовало надъ Азією и стряхнуло съ себя постыдное иго ея варварскаго вліянія; какъ оно къ могучимъ началамъ своей собственной народной жизни привило новыя начала Европейскаго просвѣщенія, которое пустило въ его нѣдрахъ столь глубокіе корни, что оно уже болѣе и болѣе начинаетъ оставлять направленіе раздражительное и подвизаться самостоятельнѣе на поприщѣ просвѣщенія. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что Россіи нечему болѣе учиться у Запада; всѣ истинныя успѣхи умственной ея жизни принадлежатъ ей безспорно, какъ живому члену Европейскаго государственнаго организма и Европейскаго человѣчества; но она уже не рабски подражаетъ своему учителю, и устроиваетъ себѣ, съ сознаниемъ своей народности и

---

\*) Хотя мы вполне убѣждены въ истинѣ главной идеи этого опыта, но не ручаемся, чтобъ не было въ немъ частныхъ погрѣшностей; просимъ отнестись ихъ не къ неправильности главной мысли, но къ несовершенству нашего изложенія ея. Путь къ истинѣ не столбовая дорога: уже многіе спотыкались на немъ и будутъ спотыкаться и впредь; но каждый, даже малѣйшій шагъ ближе къ истинѣ вознаграждаетъ сторицею за частныя неудачи. Знаемъ, что многимъ нѣкоторые изъ нашихъ выводовъ покажутся натяжками; знаемъ тоже, что уже не мало было писано противъ подобныхъ же выводовъ: но признаемъ, эти возраженія не убѣдили насъ и не могли измѣнить существенно нашего взгляда на предлежащій вопросъ.

своихъ пользъ, лишь то, что можетъ ее вести далѣе на пути собственнаго развитія; оно отдѣляетъ отъ плодовъ просвѣщенія разные плевелы, которые особенно въ новѣйшее время готовы были распространиться въ Европѣ. И вотъ задача, надъ которою трудится она нынѣ, завоевавъ свою государственную область; и хотя она трудится съ успѣхомъ и славою въ области духовной жизни, но еще много, много дѣла ей впереди. — Кончилось, по видимому, распространеніе внѣшнихъ границъ государства; но за то идетъ безостановочно внутри его распространеніе умственной и промышленной дѣятельности народа, а извнѣ вліянія политическаго, соразмѣрнаго его могуществу и значенію. Но оставимъ эти предметы, какъ лежащіе внѣ круга нашей темы; за то вспомнимъ, что донинѣ совершается въ предѣлахъ самаго государства въ нѣкоторомъ смыслѣ расширеніе его территоріи превращеніемъ степей въ плодородныя страны и населеніемъ ихъ трудолюбивыми обитателями.

Въ этомъ отношеніи особенно важны степи Понтийскія. Что жъ даетъ имъ эту важность? Болѣе всего географическое ихъ положеніе: онѣ соприкасаются съ Чернымъ моремъ, которое въ свою очередь посредствомъ проливовъ Константинопольскаго и Дарданельскаго сообщается съ Средиземнымъ, омывающимъ берега южной Европы. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Понтийскія степи съ Чернымъ моремъ, Одессою и Таганрогомъ играютъ на югѣ Россіи ту же роль, которую играютъ земли Балтійскія съ Балтійскимъ моремъ, С. Петербургомъ и Ригою на сѣверѣ: первыя относительно южной Европы, послѣднія относительно сѣверной и сѣверозападной. Вотъ ключъ къ объясненію быстраго развитія Новороссійскаго края, приморье котораго въ самое короткое время окаймилось цвѣтущими торговыми городами. Есть еще много другихъ степей въ предѣлахъ исполнской Россіи, но нигдѣ онѣ не имѣютъ столь выгоднаго положенія для сношеній съ образованнымъ міромъ, соприкасаясь или съ морями средиземными, какъ напр. Приволжскія, или съ степями средней Азіи, какъ Сибирскія. Хотя уже въ древности сѣверные берега Понта Эвксинскаго были покрыты Греческими колоніями, послѣ которыхъ въ послѣдствіи возникали въ тѣхъ же мѣстахъ поселенія другихъ народовъ; хотя въ Тавридѣ существовали въ

разныя времена даже довольно сильныя царства: но всѣ эти попытки цивилизаціи ограничивались одними приморскими странами и потому опять легко были стираемы съ лица земли дикими степными кочевниками. Только съ сѣвера, изъ средины равнины, какъ уже выше было сказано, могло прійти истинное спасеніе для этихъ злосчастныхъ странъ. Россія впервые водворила миръ, спокойствіе и осѣдность тамъ, гдѣ тысячелѣтія раздавался лишь крикъ брани и топотъ коней и гдѣ кочевали одиѣ орды жадныхъ къ добычѣ хищниковъ, смѣнявшія или поглощавшія другъ друга, такъ что отъ многихъ сохранились одни имена. Гдѣ нѣкогда бродили одни стада, тамъ нынѣ видны мирныя занятія земледѣльческія, вѣрнѣйшее средство къ водворенію осѣдности, которой отчасти уже покорились даже послѣдніе остатки прежнихъ кочевниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣлано въ степяхъ и для степей уже много; есть начатки орошенія странъ безводныхъ; сдѣланы удачныя попытки даже въ разведеніи лѣсовъ, какъ напр. по берегамъ рѣки Молочной Мелитополитамъ и въ другихъ мѣстахъ степей (близъ Александрии въ Херсонской губ., въ окрестностяхъ Екатеринослава и пр.) Мы весьма хорошо знаемъ, что все это носитъ болѣе характеръ оазисовъ, въ сосѣдствѣ рѣкъ; но эти-то оазисы съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увеличиваются, а пространство пустынь уменьшается. Замѣтимъ мимоходомъ, что такъ какъ Южнорусскія степи не вездѣ имѣютъ одинаковый характеръ, то и самое воздѣлываніе ихъ мѣстами легче, мѣстами труднѣе, но вообще возможно. Это относится преимущественно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ геологическою основою чернозему служатъ или гранитъ, или слои третичные, или мѣловые; по мѣстамъ обработываніе степей, по видимому, или вовсе невозможно, или возможно только до нѣкоторой степени, какъ напр. въ мѣстахъ солончатыхъ. — Честь перваго воздѣлыванія степей принадлежитъ Казакамъ; они были первымъ орудіемъ для этого дѣла. Значеніе ихъ въ этомъ отношеніи важно особенно съ тѣхъ поръ, какъ потерявъ въ Малоросіи, послѣ присоединенія степей къ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, характеръ пограничной стражи, они превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ. Они, вмѣстѣ съ колонистами, первые принялись за трудное, но славное дѣло превращенія степей, питавшихъ нѣкогда

однихъ кочевниковъ, въ страны, способныя питать человека осѣдлаго. Въ наше время значительно содѣйствуютъ этому дѣлу и военныя поселенія въ южной Россіи. Но есть и Казаки, доншѣ вѣрные своему первоначальному характеру обитателей украинскаго государства, которые съ одной стороны служатъ ему пограничною стражею, а съ другой орудіемъ для водворенія осѣдности между кочевниками, какъ перваго условія для цивилизаціи какого-либо народа. Таковы всѣ такъ называемые Линейскіе Казаки, Кавказскіе, Оренбургскіе и Сибирскіе, съ тою только разницею, что у Кавказскихъ преобладаетъ дѣятельность воинская, а у Оренбургскихъ и Сибирскихъ болѣе мирная. Воинственность Казаковъ, способность ихъ къ земледѣлію и склонность къ мелочной торговлѣ (черты характера, развившіяся въ нихъ преимущественно въ слѣдствіе пограничности ихъ первоначальныхъ жилищъ между государствомъ и воинственными хищниками, между землями воздѣланными и степями), дѣлаютъ ихъ самыми лучшими посредниками между Европейскою цивилизаціею и Азіатскимъ невѣжествомъ кочевниковъ. Не уступая въ набѣдничествѣ ни Горцамъ, ни Киргизъ-Кайсакамъ, они внушаютъ дикарямъ должный страхъ; своими мирными земледѣльческими занятіями подають они примѣръ къ такимъ же занятіямъ своимъ кочующимъ сосѣдямъ и пріохочиваютъ ихъ къ нимъ, а торговашествомъ поддерживаютъ необходимыя съ ними связи и распространяютъ между ними свое вліяніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе государства и цивилизаціи. Ревностно заботится Правительство въ то же время о колонизаціи плодородныхъ, но малонаселенныхъ странъ внутри Сибири. — Такъ идетъ нынѣ быстро и послѣдовательно дѣло внутренняго расширенія государства воздѣлываніемъ степей и колонизаціею мѣстъ пустынныхъ.

Но положеніе Россіи между Европою и Азіею указываетъ ей ясно еще на одну сторону ея историческаго призванія и значенія въ ряду государствъ: она должна быть посредницею между Западомъ и Востокомъ. Хотя въ нѣдрахъ Азіи зачался родъ человѣческой и развились первые начатки его образованія, откуда и Европа получила какъ своихъ первыхъ обитателей, такъ и первые элементы своето просвѣщенія; но дочь и ученица далеко опередила свою мать и наставницу. Какъ солнце совершаетъ свой видимый путь съ востока на западъ,

такъ точно и свѣтъ духовной жизни человѣчества совершилъ подобный же путь: нынѣ свѣтитъ онъ на Западѣ, между тѣмъ какъ на Востокѣ царствуетъ глубокая ночь, и только кое-гдѣ начинаютъ просвѣчивать первые лучи новой занимающейся зари для погруженной въ духовный мракъ Азіи; а эти лучи отблескъ свѣтлаго дня Европы. Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, что съ возвращеніемъ просвѣщенія съ Запада на Востокъ, Западъ въ свою очередь опять долженъ погрузиться въ мракъ; напротивъ, мы твердо вѣримъ, что настанетъ для чѣловѣчества время, когда и въ отношеніи къ просвѣщенію исполнятся слова Св. Писанія: „и ноши не будетъ тамо“ (Апок. 22, 5.): ибо страна, разъ озаренная свѣтомъ Евангелія, уже никогда не можетъ вполнѣ покрыться мракомъ невѣжества. Азія ожидаетъ своего возрожденія отъ Европы. Россія исполнила часть своего призванія: обуздала въ предѣлахъ Европы кочевой элементъ, порожденіе Азіи, и навсегда преградила кочевникамъ путь въ западный просвѣщенный міръ; но, получивъ сама отъ Европы силы къ новой духовной жизни, она вмѣстѣ съ тѣмъ приняла на себя священный долгъ проводить свѣтъ цивилизаціи въ Азію и преимущественно въ сѣверную и среднюю. Не даромъ такъ тѣсно связала природа Россію съ Азіею: Россія есть для большой ея части страна востока въ духовномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ Англія, царица морей, по видимому, предназначено дѣйствовать на Азію съ тою же цѣлью съ юга и юговостока. Принимая въ соображеніе такое призваніе Россіи относительно Азіи, мы легко поймемъ, что не одни торговые расчеты, не одно желаніе приобрѣтенія новыхъ земель и распространенія своего вліянія сами по себѣ руководствовали ея политикою въ отношеніи къ Востоку: это только средства къ достиженію высшей цѣли; нужны ей пути и точки опоры для проведенія на Востокъ цивилизаціи, иначе она не можетъ исполнить своего высокаго призванія. Какъ безъ Уральскихъ горъ съ Сибирью и Кавказа съ Закавказьемъ государство не въ состояніи бы было остановить навсегда движеніе кочевыхъ ордъ изъ Азіи и обуздать набѣги Горцевъ, такъ точно оно безъ нихъ не можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать на цивилизацію сѣверной и средней Азіи. Какъ Балтійское море открыло Европейской цивилизаціи входъ въ Россію, такъ нынѣ Сибирь и

Закавказье съ Чернымъ и Каспійскимъ моремъ служатъ ей путемъ въ сердце Азіи. — Торговья сношенія, служившія издревле орудіемъ для распространенія цивилизациі, играютъ и нынѣ въ этомъ отношеніи важную роль въ Азіи. Довольно, если укажемъ на торговлю Россіи съ Татарскими племенами средней Азіи, вообще весьма склонными къ такой дѣятельности: эта склонность дѣлаетъ ихъ особенно способными къ воспринятію новыхъ началъ духовной жизни и дальнѣйшему ихъ распространенію и въ то же время указываетъ на ихъ историческое значеніе въ средней Азіи. Не менѣе важны торговья связи Россіи съ Китаемъ. — Но есть еще страна, гдѣ вліяніе и дѣятельность Россіи и Англіи встрѣчаются: это Сѣверная Америка; какъ Англія дѣйствовала и еще дѣйствуетъ на цивилизацию сѣверовосточной ея части, такъ Россія дѣйствуетъ на сѣверозападную. Достигнувъ Камчатки, она по необходимости должна была утвердиться на грядѣ Алеутскихъ острововъ, чуть не соединяющей двѣ части свѣта, и стать твердою ногою на сѣверозападѣ Новаго свѣта.

Такъ совершилось *стройное* и *последовательное* развитіе Русскаго государства со времени его основанія до нынѣшняго столѣтія. Хотя мы въ семь очеркѣ коснулись только главныхъ моментовъ его постепеннаго строенія, но не могли не замѣтить, что положеніе и физическія свойства территоріи имѣли довольно ощутительное вліяніе на судьбы и дѣятельность государства. Подъ этимъ вліяніемъ едѣлалась Россія тѣмъ, чѣмъ она нынѣ есть. Но повторяемъ еще разъ, что территорія есть только одинъ изъ факторовъ государства; народу, какъ другому необходимому фактору для образованія государства, остается обширный кругъ дѣятельности сообразно съ его свойствами и склонностями; но совершенно отдѣлиться отъ перваго фактора, т. е. страны, имъ обитаемой, онъ никакъ не можетъ: въ его дѣятельности всегда будетъ проявляться въ большей или меньшей мѣрѣ вліяніе страны, смотря по тому, на какой степени развитія умственнаго, гражданскаго и политическаго онъ находится въ разныя эпохи. Заклучимъ повтореніемъ основной идеи Исторіи Русскаго государства, какъ она развилась подъ вліяніемъ природы государственной области и природы Русскаго народа, при содѣйствіи разныхъ постороннихъ

обстоятельствъ : Въ тяжкой борьбѣ , внутренней и внѣшней , росли и крѣпнули физическія и духовныя силы государства ; окрѣпнувъ и сложившись , оно приняло въ себя животворныя начала Европейской цивилизаціи , а въ настоящее время возвысившись на степень самосознанія , вступило оно въ эпоху самостоятельнаго развитія своихъ силъ сообразно съ ихъ природою . Велика и трудна эта задача , которую Россія нынѣ имѣетъ относительно самой себя ; но не менѣ велика и трудна и другая относительно Азіи , для разрѣшенія которой призвало ее Провидѣніе . Подвизается она на этихъ двухъ поприщахъ съ отличнымъ успѣхомъ , не смотря на то , что задача ея огромна . Но огромна она и сама и огромны ея силы ; и какъ она совершила уже не одинъ исполинскій подвигъ , не только какъ подательница мира и спокойствія Европѣ , но и въ дѣлѣ собственнаго развитія и обузданія Азіятскаго варварства , такъ , хранимая Провидѣніемъ и осѣненная Небесною благодатью , довершить она со славою дѣло , столь славно ею начатое .

